

В лесу кругом царила кромешная тьма, и бушевал ураган, сопровождаемый потоками дождя. Среди деревьев еще можно было укрыться от ливня, но едва ли можно было уберечься от ледящего ветра. У Ду расставил повозки по кругу и велел всем зайти внутрь, чтобы немного отдохнуть. Перед тем как самому войти и доложить Дуань Лину, он поручил нескольким людям стоять на страже и патрулировать.

— У нас нет другого выбора, кроме как остаться здесь на ночь. Хорошо, что мы послушали Янь Ди.

— Говорил же тебе не выпендриваться, — нахмурился Дуань Лин. — Дай посмотрю.

— Все в порядке.

У Ду не совсем правильно применил силу, и теперь его плечо покраснело. Он снял верхний халат и перекинул его через руку, обнажая хорошо сложенные плечи и спину. Дуань Лин приложил к его коже припарки, чтобы предотвратить появление синяков.

— Тогда с тебя поцелуй, — У Ду повернул голову и легонько чмокнул Дуань Лина, а тот, обняв его сзади, провел рукой по пульсирующим мышцам талии, а затем, глядя вниз, прижался губами к его мощному плечу.

— Завтра мы уже будем в Хэцзяне, — сказал У Ду. — Сегодня хорошенько выспись. Не забудь выпить имбирного супа, чтобы не простудиться.

— Не простужусь. Я не такой хрупкий, как ты думаешь. За ночь вряд ли что-то случится, так что оставайся здесь. На улице уже есть патрульные.

— Я все равно лучше пойду и присмотрю за всем.

Дуань Лин не сумел убедить его в обратном, поэтому ему ничего не оставалось, как отпустить У Ду и самому лечь в карету. Одежда на нем промокла, а развести огонь внутри он не мог, поэтому все, что ему оставалось, — это снять верхний халат и лечь на кушетку с закрытыми глазами в одних штанах, чтобы хоть немного отдохнуть, пока он еще не спал.

У Ду вернулся посреди ночи и лег рядом. Тепло его тела сразу же согрело Дуань Лина, и они крепко обняли друг друга. Дуань Лин погрузился в сон.

Спустя неопределенное количество времени он резко открыл глаза.

— Ты это слышал? — спросил Дуань Лин.

— Что? — У Ду немедленно встал, насторожившись. На них обоих ничего не было надето, и У

Ду нахмурился, между его бровей пролегла глубокая морщина.

— Что ты слышал? Что-то?

Неразборчивые удары копыт, которые Дуань Лин, похоже, слышал во сне, исчезли, как только он очнулся.

— Не пугай меня так, — напряженно сказал У Ду. — Что ты слышал?

Дуань Лин покачал головой, выглядя озадаченным.

— Наверное, это был сон.

У Ду надел на Дуань Лина доспехи Белого Тигра, и когда он собрался выйти на улицу, чтобы отправиться на разведку, Дуань Лин взял его за руку и снова уложил на кушетку.

— Мой господин, успокойтесь, ладно?

— Я должен быть уверен, что ты в безопасности. Если с тобой что-то случится, как я смогу жить дальше?

Дуань Лин лежал боком на кушетке в карете, не сводя глаз с У Ду и кончиками пальцев перебирая его прекрасное лицо, которое он любил тем больше, чем дольше на него смотрел. Даже в самых смелых мечтах он не думал, что может быть вместе с У Ду, и вот сейчас он чувствовал, словно нашел самое большое сокровище в мире.

У Ду глядел на лицо Дуань Лина совершенно замороженный, как будто его что-то беспокоило. Его брови снова слегка сошлись.

— Тебе пришлось столько вытерпеть за всю поездку.

— Я и в детстве много терпел, — тихо ответил Дуань Лин. — Ты даже не представляешь, как хорошо мне было в эти дни...

Вдруг Дуань Лин снова услышал стук копыт.

— Постой! — произнес Дуань Лин. — Я только что снова это услышал.

На этот раз Дуань Лин услышал их очень отчетливо и понял, что все потому, что он лежал на боку, положив ухо на спинку кушетки. Деревянная лавка была встроена в повозку, прямо под ней находился вал, соединенный с колесами, а колеса стояли на земле, вплотную прижавшись

к огромному камню.

Таким образом, звуки издалека проникали сквозь землю и тихо доносились до его уха.

— Подойди сюда и послушай, — позвал Дуань Лин У Ду.

У Ду не успел приложить ухо к подлокотнику, как произнес:

— В пяти ли отсюда движется армия, и она приближается к нам. Идем!

— Они не обязательно идут на нас! — сказал Дуань Лин.

Они спрыгнули с повозки и всех разбудили, чтобы продвинуться вглубь леса. Перед тем, как уйти Дуань Лин прижал ухо к земле и еще некоторое время прислушивался.

— Они обошли нас. Их целью были не мы!

Дождь прекратился, в ночи воцарилась тишина, и лишь вдалеке слышался гул.

У Дуань Лина мелькнула тревожная мысль, что это вовсе не простое нападение. Этот шум мог исходить только от одного возможного источника — ткани, намотанной на копыта лошадей, а, следовательно, армии, желающей начать атаку под покровом дождливой ночи.

У Ду сказал:

— Ван Чжэн, оставь десять человек и оставайся здесь, хорошо спрячься. Остальные, кто умеет сражаться, идут с нами!

У Ду перекинул ногу через спину Бэнь Сяо и протянул Дуань Лину руку. Он схватил ее и тоже запрыгнул на Бэнь Сяо, надежно усаживаясь позади У Ду. Он прикрепил к спине лук и устремился во главе своих воинов.

Отряд монголов уверенно приближался к городу Хэцзянь, скрываясь в кромешной тьме ночи.

— Не доставайте оружие! — поднял руку У Ду и жестом ладони вниз призвал всех сойти с лошадей. Он оторвал несколько полосок ткани от своего халата и обмотал ими копыта Бэнь Сяо. Все последовали его примеру и сделали то же самое.

Дуань Лин спросил:

— Как же мы будем с ними сражаться?

Он бился с монголами лишь однажды, и то в Алтынтаге, когда вместе с Ли Цзяньхуном из засады напал на врага.

У Ду сказал:

— Во всяком случае, мы пока ничего не будем предпринимать. Сначала проверим численность.

— Похоже, там тысяча человек, — ответил Дуань Лин.

— Я говорю о нас.

— Нас двенадцать.

Еще один человек, и мы сойдем за тринадцать всадников Куньяна, подумал Дуань Лин*; их шансы были бы гораздо выше, если бы у них было тринадцать Ли Цзяньхунов. Только он, У Ду и десять конников — как они смогут противостоять тысяче человек?

* История была такова: одно войско напало на город. Командир по имени Лю Сю решил не отступать, а вывести 13 всадников из города, чтобы те пошли за подмогой. Так, Лю Сю удалось привести подкрепление из 10 тысяч пехотинцев и кавалерии и выиграть битву.

— Подождем, пока они разойдутся, — сказал У Ду.

— Откуда ты знаешь, что они разойдутся?

— Я уверен, что так и будет. Если я не ошибаюсь, они попытаются найти путь в город с четырех разных сторон.

Неудивительно, что, когда они добирались до равнин за пределами Хэцзяня, монголы стали распределять свои силы таким образом, что казалось, будто они об этом договорились заранее.

— Мы будем следовать за группой воинов в центре, — сказал У Ду, — Вперед!

У Ду прищипил коня и под покровом ночи направил Дуань Лина и его десять всадников к первой группе. Их цель была очевидна — это командир вражеского отряда, возглавляющий тысячу человек. Вскоре враг пробрался к северной части Хэцзяня, а У Ду увел десяток своих солдат в редколесье за городом.

— Мы не будем поднимать шум и предупреждать город? — спросил Дуань Лин.

У Ду приложил палец к губам: «Ш-ш-ш», а затем приказал:

— Нарубите веток, приготовьте факелы и воткните их в землю.

На улице было очень тихо. Монгольские солдаты разошлись и начали подготовку, перебирая свое снаряжение и забрасывая крюки для захвата на край городской стены.

Гарнизон Хэцзяня был защищён слабо, и на верхушках башен даже не было стражников — видимо, они ушли за выпивкой. Единственным свидетелем всей этой неразберихи была пара жаровен. У Ду ждал, пока третий отряд монгольских воинов поднимется на середину стены, и только после этого отдал твердый приказ.

— Заряжай! — тихо произнес У Ду. — Не издавать ни звука!

Хотя их было всего двенадцать человек, внезапная атака из темноты с разлетающимися стрелами произвела довольно сильное впечатление. Кто-то сразу же упал на землю: монгольская армия никак не ожидала, что кто-то нападет на них из засады со спины. Они поспешно развернулись, чтобы встретить врага, и взвыли во всю мощь своих легких.

Стражники на стене до сих пор не поняли, что их атакуют!

На спине Бэнь Сяо, который также вез Дуань Лина, У Ду мгновенно ворвался во вражеский строй и, вытянув Легуанцзянь, сжал коленями брюхо коня и нанес с размаху удар. Где бы ни пронесся Легуанцзянь, солдаты падали с лошадей. У Ду обхватил Дуань Лина рукой, наклонив его в сторону, и мечом нанес рубящий удар, от которого разлетелась кровь. Монгольский солдат взвыл от боли, рассекаемый надвое.

Этот громкий крик сразу же раскрыл их позицию, и со всех сторон в них полетели стрелы. Однако Бэнь Сяо был очень хорошо обучен и резко остановился, врезаясь боком в боевых коней, пытающихся поймать их в клещи. Солдат на нем направил свою саблю в сторону Дуань Лина.

Дуань Лин крикнул по-монгольски:

— Не бейте меня! Я один из вас! Я на вашей стороне!

Монгольский солдат растерянно посмотрел на него, а затем одним взмахом руки У Ду голова воина отделилась от шеи и взлетела в воздух.

Монгольские лошади были низкорослыми и крепкими, совсем не внушительными, а Бэнь Сяо был высоким и крупным усуньским конем. Когда он врезался в них, они просто разлетались.

Дуань Лин быстро достал стрелы, и каждый раз, когда они вылетали из его лука, лошадь вскрикивала и падала, сворачиваясь в клубок. Он выпускал стрелы в быстром темпе — мастерски применяя грязный трюк: стрелять в скакуна, а потом во всадника. Вскоре вокруг раздавались крики и падали лошади.

— Поехали! — У Ду развернул коня и стал вести своих людей к выходу. Монголы были уже у них на хвосте, и Дуань Лин, откинувшись на спину лошади, затянул петлю. Он отпустил тетиву, и стрела полетела в предводителя преследователей, сбивая его с лошади.

Все бросились обратно в лес.

— Пересчет, — произнес У Ду.

Пять, десять... все здесь.

Дуань Лин спросил:

— Кто-нибудь ранен?

Двое из кавалерии получили легкие увечья.

— Я могу продолжать бой! Пожалуйста, отдавайте приказы, комендант!

— Те, кто ранен, останутся позади в качестве прикрытия! — сказал У Ду. — Зажигайте факелы!

Преследователи остановились на месте за пределами леса, и ни один не решался войти внутрь. Вскоре зажглись все факелы, и казалось, что в лесу сотня человек. Монгольские воины тут же отступили, перешептываясь между собой.

— Заряжай! — крикнул У Ду.

Возглавив своих людей, он снова бросился на монгольских солдат. Те сразу же впали в панику, предупредительно окликнули своих, развернулись и убежали. Дуань Лин прокричал:

— Ложись!

У Ду пригнулся, а Дуань Лин выпустил шесть стрел подряд, и солдаты, в которых они попали, упали с лошадей. У Ду скомандовал:

— Отступаем!

Кавалерия пришпорила коней и снова повернула назад.

— Какого?! — наконец кто-то не выдержал и разразился руганью. — Это просто убийственно! Вы позволите нам с ними разобраться или как?!

— Как тебя зовут? — спросил его У Ду.

Тот сразу же замолк, и У Ду сказал:

— Если я еще хоть раз услышу болтовню, ты понесешь ответственность по военному закону.

Дуань Лину казалось это забавным, но У Ду нахмурился.

— Проклятье. Почему в Хэцзяне вообще ничего не происходит?

Хэцзянь все еще был окутан тьмой; хотя они сражались уже целую вечность, никто не вышел из города, чтобы помочь им, и никто не выпускал стрелы, чтобы прикрыть их. В своих первоначальных планах У Ду надеялся, что даже если никто не выйдет из города, то, по крайней мере, когда они начнут сражаться, должны появиться лучники. Он и представить себе не мог, что городская стража будет вести себя так, будто все они мертвы.

Монгольская армия, похоже, заняла выжидательную позицию, и их это тоже не отпугнуло. Дуань Лин не мог не отметить, что этот вражеский отряд действительно был спокоен перед лицом опасности — будь это любое другое подразделение, они бы решили, что их засада провалилась, враг разгадал их замысел, и лучшим выходом для них было бы сдаться и отступить.

Кто-то в монгольском строю что-то прокричал, и Дуань Лин понял его. Они говорили: «Их почти нет! Это просто отвлекающий маневр! Убейте их уже!»

— Они идут! — воскликнул Дуань Лин. — Бежим!

У Ду прокричал:

— Зажигай!

Монголы мгновенно ворвались в лес. Подчиненные Дуань Лина рассредоточились среди деревьев, подхватывая вкопанные в землю факелы и бросая их в верхушки ветвей, где они с треском вспыхивали. Из-за недавнего дождя, как только листья разгорелись, лес окутало облако густого дыма. У Ду достал из одежды склянку для лекарств и подбросил ее к деревьям.

С громким взрывом все, что находилось в пузырьке, мгновенно взорвалось, охватывая лес адским пламенем, и густой дым устремился к монгольским солдатам, стоящим на ветру внутри леса.

— Бежим к городским стенам! — крикнул У Ду.

Наконец-то кто-то заметил вражеские войска.

С высоты стены раздался крик солдата: «Нас атакуют!», и вскоре прозвучал удар гонга. Только после этого один за другим загорелись факелы на вершине городских стен Хэцзяня, и вдруг на них градом посыпались стрелы. У Ду закричал:

— Не стреляйте в нас! Твою мать, мы на вашей стороне!

С вершины стены перестали палить стрелы, и монгольская армия снова вышла из леса в полной дезориентации. В результате повторных атак почти половина из двухсот с лишним воинов противника в лесу рухнула под воздействием отравленного дыма. И вот городские ворота распахнулись, и защитники города наконец-то бросились в наступление.

— Осторожно! — чтобы они по ошибке не зарубили не тех людей, Дуань Лин прокричал. — Это свои! Свои! Бейте монгольских солдат снаружи!

У Ду как раз собирался зарубить защитников Хэцзяня из-за спины, и Дуань Лин поспешно произнес:

— Нам больше не нужно сражаться! Давайте отступить под городскую стену!

Конница немедленно вышла из строя и дисциплинированно направилась в укромное место у подножия стены, чтобы избежать брызг кипящего масла, которое могло литься сверху. Защитников становилось все больше, и монгольские воины бросились в отступление. Весь Хэцзянь наконец-то проснулся, повсюду звонили часовые, и другие городские заставы тоже поняли, что их атакуют.

— Кто там? — окликнул их издали командующий ханскими войсками.

— Ступайте и сразитесь с ними! О нас не беспокойтесь! — ответил Дуань Лин.

Взяв своих подчиненных, командир направился к другим городским воротам, чтобы подкрепить их.

Небо постепенно светлело, а густой дым в лесу понемногу исчезал. Хэцзянь начал рассылать людей, чтобы осмотреть поле боя. Дуань Лин сообщил им, что вражеских войск было еще

довольно много, и отвел их в лес. Все рассыпались в поисках тел.

Дуань Лин приказал:

— Оттащите их всех к городским воротам и оставьте снаружи. Если монголы снова вернуться, повесьте тела на внешней стороне ворот. Если кто-то еще жив, берите в плен.

— Кто вы вообще такие? — солдат протиснулся сквозь толпу, чтобы спросить их. — Вы все из Цзяннани?

У Ду ответил:

— Я — недавно назначенный комендант Хэцзяня, а это — губернатор Хэбэя.

Похоже, никто не знал, как относиться к этой информации, и все торопливо стали кланяться У Ду и Дуань Лину. Этот военный и гражданский чиновники уже занимали самые высокие посты в Хэбэе.

Дуань Лин произнес:

— Отправьте несколько человек в лес неподалеку от оползня. Там находятся мои люди. Приведите их всех в город и поселите пока в доме магистрата. Разыщите человека по имени Линь Юньци и заберите у него приказ о моем назначении.

Солдат ушел, а У Ду спросил:

— Кто дежурил прошлой ночью?

— Мой господин, — ответил другой солдат, — это был лейтенант Цинь, тот самый человек, который спрашивал, кто вы прошлой ночью. Он только что отправился к южным воротам, чтобы очистить там поле боя.

— Возьмите отряд и приведите его ко мне в цепях, — сказал У Ду, — я накажу его за самовольное оставление поста.

Солдат не решался говорить. Дуань Лин и У Ду переглянулись, понимая, что здесь не обходится без выгораживания сослуживцев. Дуань Лин сказал У Ду:

— Будет лучше, если ты пойдешь лично.

У Ду кивнул.

— Тебе пока лучше отправиться в город.

— Да.

У Ду сел на Бэнь Сяо и покинул территорию, а Дуань Лин попросил одного из своих людей произвести подсчет, чтобы узнать, остался ли кто-нибудь из монгольских солдат в живых.

Солдат узнал одного из подчиненных Дуань Лина.

— Не ты ли Сунь Тин, из Е?

— Это я, — ответил Сунь Тин, — я как раз пришел сюда, чтобы получить работу у этих двух господ.

Солдат усмехнулся.

— Ты только приехал, а уже столь многого добился...

Всех монгольских солдат притащили на ближайшую поляну, чтобы разместить вместе. Дуань Лин внезапно растолкал толпу и помчался к ним.

— Бату! — воскликнул Дуань Лин, бросаясь к одному из трупов и оттаскивая его от остальных. Этот крик сразу же насторожил окруживших их солдат. Дуань Лин вгляделся в знакомое лицо — хотя Бату подрос, а черты его лица стали еще более грубыми, чем раньше, и были покрыты грязью, Дуань Лин почему-то все равно узнал его с первого взгляда.

— Принесите мне воды! — в панике сказал им Дуань Лин.

Его подчиненные выглядели ошеломленными, но все равно принесли ему флягу с водой. Дуань Лин вылил воду на лицо Бату, и он открыл глаза.

Дуань Лин облегченно выдохнул, но, к его удивлению, Бату притянул его к себе за шею, а затем поднялся на ноги и взмыл в воздух. О, нет! — подумал Дуань Лин. Я попался!

Дуань Лин попытался сбросить Бату, но тот был уже готов к этому. Когда дело доходило до уловок друг друга, они знали их как свои пять пальцев, и Бату тут же развернул его набок. Мир вокруг Дуань Лина закружился, и когда он снова встал на ноги, рука Бату уже крепко обхватила его, а кинжал прижался к его горлу.

— Похоже, небеса на моей стороне, — сказал на ханском Бату. — Приведите мне лошадь.

Солдаты в ужасе смотрели друг на друга, не понимая, что им делать, и Дуань Лин воскликнул:

— Стреляйте в него! Он не посмеет меня убить!

— Приведите ему лошадь! — тот солдат, что стоял с ним ранее, тут же прокричал. — Не стреляйте!

Дуань Лин произнес:

— Почему ты...

— А откуда ты знаешь, что я не посмею тебя убить? — прошептал Бату, его губы приблизились к Дуань Лину.

Его голос звучал уже не так, как раньше, словно он стал совсем другим человеком. Он крепче сжал плечи Дуань Лина, его руки стали еще сильнее, чем раньше; Дуань Лин не мог пошевелиться ни на цунь, он был связан так крепко, что ему пришлось поднять голову, чтобы вздохнуть.

— Если ты убьешь своего анду, — приподняв бровь, воинственно произнес Дуань Лин, — Тенгри отправит тебя в ад...

Бату молча смотрел на него в ответ.

Он все еще выглядел так же, как и восемь лет назад, с теми же знакомыми чертами лица; раннее утро заливало пространство между ними солнечным сиянием, так что они находились наполовину на свету, а наполовину были скрыты во тьме, словно они вернулись в ту библиотеку, в тот самый момент, когда их глаза встретились друг с другом.

К нему подвели лошадь, и Дуань Лин подумал: этот солдат, должно быть, в сговоре с тем «Цинем»; кто знает, может, они хотят меня убить... но времени на раздумья уже не осталось. Бату ударил его по затылку, и он мгновенно потерял сознание, после чего его затащили на лошадь, и они унеслись в сторону степи.

— За ним! — сразу же произнес Сунь Тин.

Все сели на лошадей и устремились в погоню за Бату.

***

Сейчас была середина лета, седьмой месяц, и стояла настолько сильная жара, что было просто

невыносимо.

Чан Пин весь обливался потом, ему было так жарко, что он едва мог терпеть и бешено обмахивался веером по дороге в Цзянчжоу. Му Куанда сидел на веранде и пил ледяной суп из кислой сливы, а когда заметил возвращение Чан Пина, приказал:

— Принесите господину Чан Пину миску.

Чан Пин стоял, потягивая суп, и Му Куанда не требовал от него ответов. Он ждал, пока тот переведет дух, и только потом заговорил.

— Как прошло твоё путешествие? — спросил Му Куанда.

— Я чуть не получил солнечный удар, — ответил Чан Пин, усаживаясь в тени.

— Я послал гонца с письмом для тебя, но, поскольку он отправился туда, когда ты возвращался, то, должно быть, просто разминулся с тобой.

Чан Пин удивленно произнес:

— Я никого не видел.

— Неважно. Я просто подумал, что раз уж ты возвращаешься в Цзянчжоу, то можешь заехать в Е. Ван Шань только что получил там назначение, так что у него наверняка много проблем. Я хотел, чтобы ты помог ему и вернулся, когда в Е все уляжется.

Чан Пин кивнул. Достав из кармана свернутую письменную жалобу, он протянул ее Му Куанде. Нахмурившись, тот развернул ее.

— Восемь лет назад, — начал рассказ Чан Пин, — в тот самый день, когда Улохоу Му приехал в Сюньян, дом, в котором жили родители Дуань Сяовань, вспыхнул посреди ночи, и все сгорело дотла. В доме проживало сорок семь человек. Ни один не выжил.

— О? Они все умерли?

Чан Пин кивнул.

— Пять лет назад в городе был голод, а потом началась война. Монголы несколько раз его грабили, и с годами жители Сюньяна либо переехали на юг, либо умерли. Много детей погибло во время голода; я искал по всему городу детей примерно того же возраста, но их осталось не так много. Сюньян сейчас очень малонаселен — он похож на город-призрак.

— Это действительно осложняет ситуацию, — хмуро произнес Му Куанда.

— И все же небеса не закрыли передо мной все свои ворота. Я нашел одного старика в Сюньяне. Он знает о семье Дуань.

— Где он?

— Сейчас середина лета, путешествие предстояло трудное, поэтому я не решился взять его с собой. Если бы он заболел, то даже последняя зацепка пропала бы.

— Давай поговорим наверху.

Му Куанда поднялся и направился в библиотеку на втором этаже, а Чан Пин последовал за ним наверх, в последний момент оборачиваясь, чтобы закрыть за собой дверь.

Дуань Лину снился долгий-долгий сон. Во сне он вернулся в дровяной сарай в поместье Дуань, а его маленькие друзья кричали ему вслед: Дуань Лин — Дуань Лин...

— Эй, проснись! — раздался голос Бату. — Хватит уже спать!

Голова Дуань Лина болела так, будто ее раскололи. Он развернулся на спину, и в нос ему ударил запах зелени и грязи. Он лежал на траве рядом с огромным голубым озером, и, внезапно осознав свое положение, тут же открыл глаза.

Дуань Лин не совсем понимал, что в этом случае делать.

Бату погладил его рукой, и Дуань Лин сразу же начал сопротивляться, тогда Бату прижал его к себе. Его запястье было крупным и сильным, и Дуань Лин не мог его стряхнуть, его удерживал вес Бату.

— Почему ты... Бату! Отпусти меня! Что ты пытаешься сделать?!

Бату обладал крепким телосложением; прошло три года, а он уже стал таким сильным, с широкими плечами и узкой талией, словно леопард. Одной рукой он сжимал запястья Дуань Лина, а коленом упирался между ног и внимательно его изучал. Он наклонился к нему очень близко, так близко, что его дыхание едва не падало на лицо Дуань Лина.

Дуань Лин пытался вырваться из захвата, но Бату обездвигил его, рука проскользнула вверх по талии Дуань Лина и быстро сняла с него нижнюю рубашку вместе с надетыми на нее серебряными доспехами Белого Тигра. Оказавшись без рубашки, Дуань Лин вскрикнул:

— Что ты делаешь?!

Бату небрежно похлопал Дуань Лина по лицу и бросил ему нижнюю рубашку обратно.

— Кто дал тебе эту шмотку?

— Отдай! Она моя!

— Теперь она моя. Ты все еще должен мне подарок.

Бату снял доспехи, распахнув рубашку и обнажив крепкие руки и стройные мышцы. Он натянул на себя доспехи Белого Тигра и подошел к озеру, чтобы посмотреть на свое отражение.

Бату повернул голову.

— Теперь даже ты принадлежишь мне. Сохранил мне две тысячи четыреста таэлей золота. Получил прибыль, — говоря об этом, он бросил Дуань Лину флягу с водой. — Выпей.

Дуань Лин сделал несколько глотков и задумался, понял ли У Ду, что он пропал. Придет ли У Ду за ним со своими людьми. Он взглянул на горизонт, размышляя, где бы он мог быть сейчас.

— Перестань думать об этом, — произнес Бату, читая его мысли. — Они потеряли меня давным-давно. Никто не придет тебя спасать.

— Отпусти меня.

— Думаешь, это возможно? — засмеялся Бату.

У Дуань Лина не оставалось вариантов, когда дело касалось Бату. Он заглотнул всю воду из фляги и бросил ее обратно, понимая, что теперь ему придется наполнить ее. Как и предполагал Дуань Лин, Бату развернулся и наклонился, чтобы наполнить флягу озерной водой. Не успел он опомниться, как Дуань Лин уже набросился на пасущуюся неподалеку лошадь и перекинул ногу через ее спину. Не раздумывая, он бросился бежать.

— Пошел!

Конь развернулся и пустился в галоп. Бату не знал, что и сказать; он стоял, нахмурившись.

Тяжело дыша, Дуань Лин не мог не обернуться и не посмотреть на Бату, чувствуя внезапную боль от того, что вынужден был покинуть его. К его огорчению, после воссоединения они

оказались на противоположных сторонах, и прежде, чем они смогли нормально поговорить, ему пришлось вот так убежать.

И все же Бату низко пригнулся, а затем, словно стрела, вылетел на равнину и понесся прямо на Дуань Лина!

— Вперед! — воскликнул Дуань Лин.

Когда он помчался по степи, Бату вдруг взмахнул рукой, и в Дуань Лина, словно метеор, полетел камень, ударяя коня по заду. Боевой конь удивленно вскрикнул, и Дуань Лин, застигнутый врасплох, упал. Вслед за ним Бату стремительно бросился вперед, взмыл в воздух и обхватил его руками, после чего они оба опрокинулись на траву.

— Ха-ха-ха! — вдруг разразился хохотом Бату. — Ты мне не ровня!

Дуань Лин гневно прорычал:

— Иди ты!

Дуань Лин набросился на Бату и нанес удар, но тот просто поднял руку и схватил его за кулак, выкручивая руку Дуань Лина к себе, чтобы удержать ее там. Он толкнул его вперед:

— Иди давай!

Дуань Лин находился на пределе сил: он не мог победить Бату в драке и не мог бежать достаточно быстро, чтобы скрыться. Еще немного и он сойдет с ума.

— Я почти забыл, как говорить по-ханьски. Слишком много времени утекло. Садись на коня.

Дуань Лин сердито произнес:

— Отпусти меня!

— Ты садишься или как? — Бату был выше Дуань Лина на целую голову. — Не заставляй меня быть грубым. У меня сегодня очень хорошее настроение. Мне не хочется тебя связывать.

— Куда мы едем?

— На конную прогулку.

— Пошел ты! — свирепо огрызнулся Дуань Лин. То, что монголы называли «конной прогулкой», — это схватить женщину, увезти ее на лошади, помчаться по прериям до какого-нибудь безлюдного места, а затем на траве, с небом в качестве одеяла, закрепить свои отношения. Некоторые монголы еще называли конной прогулкой женитьбу.

Бату, не выдержав, силой затолкал Дуань Лина на лошадь. Тот не хотел, чтобы Бату связывал его, поэтому ему осталось только сидеть на месте.

— Мне нужно пописать, — Дуань Лину вдруг пришла в голову мысль, что он может просто задержать их здесь на некоторое время. У Ду наверняка ищет его повсюду.

— Не пытайся тянуть время, — сказал Бату, а потом взял веревку и связал Дуань Лину руки. Он сел на коня и крепко устроился позади него, а затем, положив руки по обе стороны от талии Дуань Лина, схватил поводья и хлестнул ими, крича «Пошел!».

Боевой конь снова устремился в глубь диких степей. Небо раскинулось бескрайней лазурью, а бескрайняя степь простиралась до горизонта — стоял полдень. Хребты и долины тянулись до самого края земли. Дуань Лин знал, что даже если он сможет убежать, то все равно заблудится, так что лучше этого не делать.

— Не пытайся сбежать. Ты заблудишься, а я не хочу, чтобы ты умер с голоду в горах.

— Если так легко умереть с голоду, знаешь, сколько раз я бы уже умер?! Зачем ты вообще меня схватил?!

— Я просто скучал по тебе, вот и все, — рассеянно произнес Бату. — Ты убил почти всю мою личную охрану. Дуань Лин, когда ты стал таким безжалостным?

— Вы, монголы, ворвались в Шанцзин и убили моего отца. А еще вы убиваете нас, ханьцев, по всей земле. Мне жаль, что я не могу перебить вас всех. Я лишил жизни всего нескольких твоих личных охранников, и ты называешь это «безжалостным»?

— Значит, ты меня ненавидишь?

— Нет.

— Тогда все в порядке.

Дуань Лин потерял дар речи.

Боевой конь замедлил ход, проезжая мимо болота. Сверху лился солнечный свет, пробивающийся сквозь листву, и, когда они проезжали мимо, на них падали солнечные блики.

— Я скучал по тебе столько лет. Чуть было не узнал тебя, но понял, что это ты только тогда, когда ты позвал меня по имени.

— Я узнал тебя с первого взгляда. С первого. Но как только ты меня поймал, я уже не знаю, кто ты. Бату, ты очень изменился. Только что я чуть не подумал, что ошибся.

— О...

Бату внимательно осматривал лес, ожидая засады. Всего одно такое действие — и Дуань Лин знал, что ему не уйти. Бату впечатлял: иногда он прищуривался, чтобы подумать, иногда поворачивал голову, чтобы прислушаться, иногда двигался быстро, а иногда медленно, пока они проходили через леса и болота.

— Тот трюк, который ты вчера провернул, был прекрасен, — сказал Бату. — Давно меня никто так не обыгрывал. Что за уловку ты использовал? Ядовитый дым?

Дуань Лин не ответил ему, не желая выдавать информацию.

— Куда ты меня ведешь? — спросил Дуань Лин.

— Конечно же в мой лагерь. Куда еще мы можем пойти? С каких это пор ты стал таким тупым?

— Просто отпусти меня...

— Это невозможно! Я искал тебя два года! Как я могу тебя отпустить?!

Когда они прошли через болота и обогнули скалу, перед ними распахнулось пространство, и они увидели монгольский лагерь. Судя по всему, здесь расположилось не менее четырех тысяч человек. Держась за веревку, обмотанную вокруг запястья Дуань Лина, Бату помог ему спуститься с лошади и провел внутрь. По пути с ним поздоровались несколько человек, и Бату выглядел раздраженным, когда отвечал на их приветствия.

Проезжающие мимо монгольские воины рассматривали Дуань Лина, ничуть не удивляясь. Не останавливаясь по пути, Бату подвел Дуань Лина к одной из палаток и, нагнувшись, затолкал его внутрь.

Это была палатка командира отряда. Сын Борджигинов получил всего лишь скромное звание тысячника? Со связанными руками Дуань Лин сел на ковер. Бату привязал веревку к деревянному колу и сказал ему:

— Не пытайся бежать. Жди меня, я вернусь, — и как только он закончил говорить, он развернулся и ушел.

Даже если Дуань Лин захочет бежать, у него ничего не получится — Бату забрал его доспехи Белого Тигра, а сам он был окружен монгольскими воинами. Если он выбежит на улицу среди бела дня, его пристрелят, как только он выйдет. Монголам нет дела до того, в чьем плену ты оказался.

Что это за место? Прошлой ночью монголы совершили набег на Хэцзянь и покинули город на рассвете. Еще не наступило утро, а они уже разбили лагерь, так что это место, скорее всего, все еще находилось в пределах границ Великой Чэнь.

— Борджигин! — в палатку вошел кто-то еще, и Дуань Лин тут же отступил в сторону. Новоприбывшим оказался крепкий парень, он бросил на него любопытный взгляд, после чего опустил заслонку палатки и ушел.

Вскоре вернулся Бату с жареным мясом и лепешками в руках. Поставив еду перед Дуань Лином, он протянул ему флягу, но не ослабил его оковы.

Второй мужчина вбежал в палатку и гаркнул:

— Борджигин Бату!

Бату встал во весь рост. В палатке был низкий потолок, поэтому они вдвоем практически подпирали ее, пока говорили. Дуань Лин понимал их, но не смотрел на крепкого мужчину. Вместо этого он отвернулся, чтобы тот не догадался, что он понимает по-монгольски.

— Куда ты дел своих людей?! — сказал коренастый мужчина со свирепым, одутловатым лицом Бату. — Шило хочет привлечь тебя к ответственности! Ты не смог взять Хэцзянь, и столько людей погибло!

— Скажи ему, чтобы пришел ко мне. Моя сабля сегодня еще не пробовала крови, — ответил Бату.

— Лучше подумай об этом, — злобно произнес силач, — подумай, как ты объяснишь это хану, когда вернешься.

— Это были мои собственные люди. Все они были воинами, следовавшими за мной, так что, если они погибли, разумеется, это мое личное дело.

— А это кто? Ханец? — крепкий мужчина указал на Дуань Лина, сидящего в углу палатки.

— Мой пленник. Я поймал его. Он мой раб.

— Пленников нужно раздавать и перераспределять между всеми по приказу Шило. Ты

оставляешь себе военные трофеи, а это тоже преступление! Здесь нет ни одной женщины — столько воинов полегло, а ты приволок только мужчину! Отдай его в награду солдатам!

— Отвали, — без выражения сказал Бату. — Хочешь еще поговорить?

— Борджигин! — сильный мужчина впал в ярость, в мгновение ока выхватил саблю и бросился на Бату. — Ты слишком самонадеян! Я убью тебя!

— Осторожно! — крикнул Дуань Лин, как только увидел движение плеча мужчины. Бату никак не мог ожидать, что тот всерьез попытается его убить, и резко отступил назад, пытаясь уйти с дороги. Клинок крепкого мужчины пронзил Бату по пояс, и, если бы не доспехи Белого Тигра, этот удар мог бы расцезь его на части, а кишки разлетелись бы по полу; вместо этого сабля заскользила по металлу, оставляя доспехи совершенно невредимыми.

К тому времени Бату уже взял себя в руки: он выхватил нож и, размахнувшись, вонзил лезвие в шею мужчины. Дуань Лин бросился вперед, пытаясь помочь, но кинжал Бату уже вошел в шею.

Кровь залила его рот и нос, а дыхание застряло в горле, когда он смотрел на Бату. Его губы дрогнули, и, упав на землю, он умер на месте.

Дуань Лин молча глядел на него.

Бату похлопал по доспехам Белого Тигра, которые были на нем надеты, и недоверчиво уставился на Дуань Лина.

— Что... это за сокровище? — произнес Бату.

— А кто этот человек?! Он один из твоих соратников? Ты убил его вот так просто?!

— Понятия не имею, — выходя совершенно сбитым с толку, сказал Бату. — Я не смотрел ему в глаза с тех пор, как мы отправились в поход.

— Как его зовут?

— Забыл.

Дуань Лин выглядел раздосадованным.

Бату произнес:

— Я позову кого-нибудь сюда, чтобы все убрали.

И снова Бату покинул палатку. За все прожитые годы Дуань Лин впервые воочию убедился в варварстве монголов — эти люди просто звери!

На этот раз Бату ушел надолго. Вскоре внутрь вошел другой незнакомец и сказал Дуань Лину:

— Пойдем со мной. Тебя хочет видеть армейский инспектор.

И вот Дуань Лина снова вывели из палатки. Когда его доставили в штабную палатку, он обнаружил там четырех тысячников, помимо Бату, и армейского инспектора, стоящего в центре. Четыре тысячника горячо спорили, а Бату хмурился, ему явно надоели эти люди, настолько, что он даже не хотел с ними разговаривать.

— Я дал тебе тысячу солдат, — саркастически усмехнулся инспектор. — И что ты принес? Ханьца? Тебя послали туда воевать! Борджигин!

Бату ответил:

— Даже если он ханец, он все равно мой пленник. Как звали того парня?

— Хуапуэрну! — другой тысячник подошел к Бату и злобно оскалился. — Он был одним из моих воинов!

— Он хотел забрать у меня пленника. Он даже сказал, что хочет отдать его солдатам, и вдобавок ко всему он наставил на меня свое оружие. У меня не было выбора, кроме как убить его.

— Борджигин, — произнес инспектор. — Давай без лишних слов. Когда ты сможешь взять Е?

Как только инспектор заговорил об этом, Бату ничего не осталось, как сдерживать гнев.

— Дайте мне еще десять дней. Хэцзянь вот-вот будет взят.

Другой командир сказал:

— Лучше возвращайся домой хлебать молоко. Толуй как раз ищет коновода. Борджигин, ты умеешь или не умеешь воевать? Почему ты не можешь просто взять и броситься в бой?

— Если не хочешь сражаться с киданями и ханьцами одновременно, — произнес Бату, — тебе придется подождать!

— Кидани не придут сюда настолько быстро, — сказал тысячник с крючковатым носом.

— Этот пленник понимает наш язык, — холодно брякнул Бату. — Ты ответишь за все последствия того, что сейчас сказал.

Дуань Лин пытался прикинуть численность монгольских войск. Пять тысячников по тысяче человек у каждого, значит, всего пять отрядов по тысяче человек проникли на территорию Чэнь. Есть ли еще и главные силы? Что могли означать те слова, о которых говорил крюкомордый? Размышляя об этом, он никак не ожидал, что Бату скажет такое. Тогда все обратили свои взоры на Дуань Лина, и армейский инспектор достал свою саблю и бросил ее на пол.

— Убей его прямо сейчас, — произнес инспектор. — Я сказал.

— Мы не можем его убить, — сказал Бату. — Я держу его у себя, потому что он мне нужен.

— Кто этот пленник? — спросил инспектор.

— У него... есть информация о ханьцах. Во всяком случае, у меня есть для него применение. Мы не можем его убить.

Когда Бату закончил говорить, он поднял с пола саблю и прокрутил ее в воздухе, а затем небрежно воткнул в стол перед армейским инспектором.

— Пройдет десять дней, и вам будет не поздно забрать его, если к тому времени я все еще не захвачу Е. Я ухожу.

Бату развернулся и под пристальным взглядом всех присутствующих схватил веревку, привязанную к рукам Дуань Лина, и несколько раз обмотал ее вокруг его шеи. Затем, перекинув руку через плечо Дуань Лина, он вывел его из палатки и, как когда-то в Прославленном зале, полупринуждая, полуобнимая, потащил Дуань Лина за собой.

— Пойду посмотрю, скольких моих солдат ты пощадил. Я вернусь ближе к ночи, чтобы составить тебе компанию. Ужинай сам.

— Ты такой занятой, — язвительно процедил Дуань Лин.

— Ничего не могу поделать. Ты до ужаса жесток, прямо строптивая лошадь. Вот, лучше оставь эту одежду себе. Она делает тебя неуязвимым... это хорошая вещь.

Бату снял с себя доспехи Белого Тигра и снова развязал руки Дуань Лина. Как только его кисти освободились, он попытался упереться ладонью в подбородок Бату, чтобы перевернуть

его, но тот уже был готов — левой рукой он откинул броню, а правой одним движением протащил голову Дуань Лина сквозь нее.

Дуань Лин был слегка в шоке.

Сила — это все, и именно Бату научил его большинству борцовских приемов. У него не было оружия, поэтому он не мог использовать свои навыки владения мечом, а в рукопашном бою Бату практически держал его на коротком поводке. Обе его руки были заведены за спину, и вскоре его снова связали веревкой.

— Я ухожу.

Бату не обращал внимания на сопротивление Дуань Лина. Он заставил его сесть и, привязав к столбу, снова ушел.

Единственное, что хотелось сделать Дуань Лину, это обругать его — это слишком унижительно!

Когда они вернулись, Дуань Лин уже заметил, что вокруг голой руки Бату была обернута полоска старой, изношенной ткани.

Что это? — подумал Дуань Лин.

Он был единственным человеком в этой палатке, но сейчас было не лучшее время для бегства. Такой шанс выпадает раз в жизни — он должен найти способ разведать обстановку в монгольских войсках. Их пять тысяч человек, и Бату — один из пяти тысячников. Монголы, в отличие от ханьцев, не признают наследников по умолчанию, поэтому четверо детей Темучина должны были зарекомендовать себя, прежде чем солдаты захотят следовать за ними. Угэдэй унаследовал пост хана, в то время как его братья отправились на войну.

Когда настала очередь внуков Темучина, правила остались прежними: Бату нужна была военная слава, прежде чем он сможет завоевать доверие людей, и, возможно, именно по этой причине он стал тысячником.

То, что он мог вести за собой тысячу человек, доказывало, что он уже вполне способен.

Дуань Лин наклонился, подставил лицо к хлебу и начал есть. Уже был полдень, и он гадал, додумался ли У Ду, где он находится. Поев, Дуань Лин почувствовал сонливость и уснул.

Он не знал, сколько времени проспал, но ощутил, как Бату развязал веревку на его руках и накрыл его одеялом. Он вернулся и на этот раз зарылся под одеяло, чтобы спать рядом с Дуань Лином.

Дуань Лин долго выжидал. Прошел почти час, прежде чем Бату начал тихонько похрапывать в глубоком сне. Дуань Лин открыл глаза, но как только он начал двигаться, Бату снова проснулся.

— Не вздумай убежать.

Бату перевернулся, навалился всем своим весом на Дуань Лина и уже собирался залезть под одежду, чтобы пощекотать его, как в детстве, но Дуань Лин немедленно остановил его:

— Не трогай меня.

Бату перестал двигаться, и Дуань Лин сказал:

— Если ты коснешься внутренней стороны моей одежды, то умрешь ужасной смертью.

Если Бату будет отравлен, он попадет в беду. Он понятия не имел, где сейчас У Ду, и если Золотая ворона укусит Бату, то не только противоядие не спасет его, но и Дуань Лин не выживет.

— У тебя с собой яд? Я давно хотел спросить, как тебе удалось отравить стольких моих людей.

Дуань Лин повернул голову в сторону и бросил на Бату косой взгляд.

Бату зевнул, очевидно, не выспавшись и чувствуя себя немного беспокойно. Он почесал шею, снял рубашку и разделся до пояса. Вытащив из тазика полотенце, он начал вытираться; его мышцы были полны сил.

Обмываясь, он по-прежнему откровенно пялился на Дуань Лина. Он всегда был таким, без малейшей сдержанности смотрел на людей сродни дикому зверю.

Дуань Лин спросил его:

— Что это повязано у тебя на руке?

Бату развязал полоску ткани и подошел к Дуань Лину, протягивая ее ему. Ткань была грязной и пахла потом, очевидно, он повсюду носил ее с собой. Дуань Лин сразу понял, что это та самая полоска, которую он оторвал от своего рукава и привязал к стреле, та самая весточка, которую он отправил монгольскому посланнику Амге!

Слова, написанные углем, уже настолько расплылись, что их невозможно было разобрать. Бату снова завязал ткань на запястье.

— Это... то самое послание, которое я тебе отправил? — спросил Дуань Лин.

— Ага, — рассеянно ответил Бату, словно думал о чем-то другом; его мысли постоянно блуждали.

— Мы снова встретились после столь долгой разлуки. Неужели тебе больше не о чем поговорить?

— О чем поговорить? Все в прошлом. Что тут обсуждать?

Он закончил приводить себя в порядок, отбросил полотенце в сторону и достал из-под полки вино и мясо.

— Мы снова встретились, разве нет? Нечего говорить о прошлом. Ты сейчас здесь, рядом со мной. Здесь. Все это время. И останешься навсегда. А то, что было раньше... мне уже не важно.

Иногда Дуань Лин действительно не мог понять ход мыслей Бату, и раньше между ними все было так же. Сейчас же, после стольких лет разлуки, понять Бату ему стало еще сложнее.

— Хочешь выпить? — Бату протянул ему кувшин с вином.

— Нет, — холодно ответил Дуань Лин.

— Видно, ты так и не научился пить.

Дуань Лин чувствовал, что вот-вот задохнется; он обнаружил, что это воссоединение прошло совсем не так, как он себе представлял — не было ни единого слова воспоминаний. Все произошло как бы само собой и вне его ожиданий.

Бату достал свой кинжал, вытер с него кровь, запекшуюся после убийства, и, нарезав им куски баранины, приступил к ужину. Небо постепенно темнело. Он некоторое время ел, а затем зажег лампу, освещая их двоих.

— Тебя совсем не волнует мое прошлое? — спросил Дуань Лин.

— Вовсе нет. Меня гораздо больше волнует твое будущее.

Дуань Лин внезапно захихикал, а Бату отпил глоток вина и тоже стал смеяться, не обращая внимания на Дуань Лина.

— Выпей. Давай.

Бату повернул сосуд с вином и налил Дуань Лину пару глотков. Монгольское вино было очень крепким, и Дуань Лин несколько раз сильно закашлялся. На вкус оно напоминало огненную воду, обжигающую горло и делающую его лицо красным.

Бату смотрел на Дуань Лина, и казалось, что в его взгляде было что-то необычное; он протянул руку и заправил прядь его волос за ухо, а затем тщательно изучил его лицо. В этот момент Дуань Лин чувствовал, что Бату смотрит на него, словно волк.

Но этот взгляд в его глазах не задержался. Вскоре Бату снова отвернулся, видимо, в чем-то сомневаясь.

— В тот день, когда ты ушел, — спросил Дуань Лин, — что случилось?

Он решил сам начать расспросы. С тех пор как они встретились, его не покидало ощущение, что Бату ведет себя довольно неестественно, и его поведение сейчас выглядело как притворство.

— Ты действительно хочешь это услышать? — ответил вопросом на вопрос Бату.

— Скажи мне. Хватит притворяться. Меня не проведешь.

Когда он уставился на Дуань Лина, в глазах Бату появился намек на опьянение.

— Тогда скажи мне, о чем я сейчас думаю?

— Ты думаешь о том, как обменяешь меня на Хэцзянь, Е и Чанчжоу. Или, может быть, используешь меня, чтобы принудить Великую Чэнь к мирному соглашению.

— Неверно. Я даю тебе еще два шанса.

Между бровями Дуань Лина пролегла легкая складка.

— Ты думаешь, что раз уж я явно наследный принц, то зачем мне позволять псу Цаю занимать мое место.

— Неверно, — засмеялся Бату. — Разве это не очевидно? Лан Цзюнься не смог спасти тебя, поэтому привел пса Цая, чтобы тот выдал себя за наследного принца и в будущем стал императором.

— Зачем ему это? — У Дуань Лина возникло смутное ощущение, что Бату, похоже, знал что-то, чего не знал он.

— Откуда мне знать? Ты снова ошибся. У тебя еще есть последний шанс.

Дуань Лин снова и снова прокручивал в голове этот вопрос и наконец произнес:

— Ты хочешь меня отпустить.

— Все еще нет.

— Тогда о чем ты думаешь?

Бату подполз к нему. Дуань Лин сидел на полу, скрестив ноги, и глядел на Бату, который стоял перед ним на одном колене и смотрел на него сверху вниз.

Бату провел пальцем по подбородку Дуань Лина, заставляя его поднять глаза, и сдержанно произнес:

— Лучше тебе не знать.

Дуань Лин не знал, что и думать.

У Бату было резко очерченное лицо с глубоко посаженными глазами и высокой переносицей, а темно-синие глаза выглядели именно так, какими запомнил их Дуань Лин. Его черты придавали ему суровый вид, а судя по выражению лица, он был еще и немного сердит на Дуань Лина.

Этот парень определенно затаил обиду; Дуань Лин удивился, как ему удалось снова попасть в просак. Он всегда выглядел так, будто всем был недоволен.

— Вот какой ты на самом деле, — сказал Дуань Лин. — Всегда выглядишь так, будто кто-то задолжал тебе денег. О чем ты думаешь?

Бату сделал глубокий вдох. Он уже не знал, что сказать Дуань Лину.

— Интересно, — сказал Бату, — если я тебя прямо сейчас трахну, ты расплачешься и будешь ненавидеть меня всю жизнь? Ньюни распустишь, как маленькая невестка*?

* В переносном значении может означать человека, который находится в подчиненном положении или вынужден терпеть несправедливое обращение.

Дуань Лин уставился на него в ошеломленном молчании.

Монголы всегда любили так обращаться с военнопленными. По их варварским обычаям, молодые люди были военным трофеем, и им было совершенно безразлично, мужчина это или женщина. Монголы, похоже, считали такое поведение своего рода порабощением. Когда он бежал из Шанцзина и был найден монгольской армией в горах Сянбэй, Дуань Лина чуть не затащили в комнату и не изнасиловали солдаты.

— Чтобы ты мог похвастаться перед отцом и командирами своих отрядов, что трахнул наследного принца Южной Чэнь, да? — язвительно ответил Дуань Лин.

— Не-а, — произнес Бату. — Не наследного принца Южной Чэнь. Просто тебя.

Дуань Лин на мгновение потерял дар речи. Он поднял ногу и уперся коленом в грудь Бату.

— Держись от меня подальше, Бату. Если ты действительно это сделаешь, то пожалеешь. Я никогда не слышал, чтобы кто-то трахал своего анду. Тенгри точно отправит тебя в ад.

Бату ничего не мог сказать в ответ, он, по сути, наступил на свои же грабли — когда дело доходило до драки, Дуань Лин был ему не соперник, но, когда дело доходило до разговора, он был не соперником Дуань Лину.

Бату еще некоторое время смотрел на него и, словно передумав, отошел в сторону и сел, протяжно вздохнув.

— После того как твой отец прогнал меня, — произнес Бату, — я вернулся в свое племя и шесть раз посылал тебе письма. Ни одно из них до тебя не дошло.

— Зачем ты посылал мне письма?

— Они собирались вторгнуться в Шанцзин. Я хотел, чтобы ты поторопился и бежал как можно быстрее.

— Уже слишком поздно. Какой смысл сейчас говорить мне об этом?

— Никакого. Знаешь, что они сделали со мной, когда письмо попало в руки наших разведчиков? Отец сломал мне четыре ребра на глазах у Угэдэя и чуть не отрубил руку. Пытаясь спасти тебя, я полгода пролежал в постели. Даже сейчас у меня не хватает силы в правой руке. В день падения Шанцзина я сбежал из армии отца и в одиночку преодолел тысячу ли, загнал двух лошадей, пытаюсь спасти тебя, и чуть не погиб в руках твоих ханьцев.

Дуань Лин ошарашенно смотрел на Бату.

— О, — произнес Дуань Лин.

— Мгм, — ответил Бату, — Дуань Лин, ты такой легкомысленный, бессердечный человек. Такой черствый.

Дуань Лин ничего не мог сказать в ответ.

— Когда мне сказали, что ты, Цзунчжэнь и Хэлянь ищете меня, я в один момент подумал... Почему бы мне не оставить все, не уйти с Хэлянем и не повидаться с вами.

Бату думал, что Дуань Лин будет вести себя так же, как и всегда, и сменит тему, чтобы не выдавать своих эмоций. Однако постепенно он понял, что Дуань Лин был единственным, кто действительно изменился.

Странно, но, когда они снова встретились, Дуань Лину показалось, что изменился Бату, а на самом деле тот совсем не изменился. Тем временем в глазах Бату Дуань Лин выглядел совершенно неизменным, но внутри он словно превратился в другого человека.

— С кем, с нами? Кто это — мы? — спросил Бату.

— Точно, — неожиданно засмеялся Дуань Лин и продолжил, — ты в Юань, Цзунчжэнь в Ляо, Хэлянь в Силян, Вы не вместе. К кому же мне идти?

Бату пристально смотрел на Дуань Лина, не говоря ни слова.

— Я не могу никуда пойти. Папа однажды сказал мне, что, рождаясь на свет, каждый человек получает то, что ему предначертано судьбой. Это и есть моя судьба. Я подвел тебя. И подвел всех вас. Вы все относитесь ко мне с максимальной искренностью, но все, о чем забочусь я, — о моем собственном выживании. У меня нет другого выбора.

— И... я думаю, что даже после я продолжу подводить вас, ребята. Мне действительно... очень жаль.

Бату никак не мог ожидать, что Дуань Лин скажет ему эти слова.

— Ты изменился, — произнес Бату. — Неужели ты больше ничего не можешь мне сказать? Хотя бы дай мне понять, что я не зря ждал все эти годы. Даже если это всего лишь ложь — просто скажи, что пойдешь со мной куда угодно. Разве ты не можешь хоть ненадолго сделать меня счастливым?

— Я не хочу тебе лгать. Я говорю это, потому что не знаю, что еще я могу тебе дать, — Дуань Лин задумался, а потом сказал. — И у меня также нет ничего, чем я мог бы отплатить тебе. Даже я сам себе больше не принадлежу. Я сын своего отца. Я наследный принц Великой Чэнь. Как думаешь, что я могу тебе дать?

Сказав это, Дуань Лин вздохнул; по какой-то странной причине он подумал о Му Цине. Конечно, ему хотелось отблагодарить всех, кто был к нему добр, но он ничего не мог им дать. То же самое и с У Ду.

Бату вдруг удалось постичь печаль, которую Дуань Лин не высказал вслух.

— Ты такой же, как Цзунчжэнь. Вы все изменились. Только я один все еще как дурак, заблуждаюсь, думая, что могу сразиться с ним и выяснить, кто из нас победитель.

— Ты не изменился. Ты все такой же, каким был всегда... Давай больше не будем об этом говорить. Бату, как поживают твои мама и папа? У них все хорошо?

— Помнишь, в том году ты приехал ко мне и сказал, что заберешь меня из города вместе с ней?

— Она ушла первой, разве нет?

— Она умерла. Тогда я был в доме и не отходил от нее ни на шаг.

Дуань Лин затих и кивнул Бату.

Бату внимательно смотрел на него.

— После смерти мамы единственным человеком, которого я по-прежнему считал семьей в этом мире, — был ты. Тогда я хотел, чтобы ты ушел вместе со мной. Теперь же, когда я думаю об этом, это было так наивно с моей стороны.

Бату засмеялся и покачал головой, находя свое поведение в прошлом крайне глупым.

— Отпусти меня, — сказал Дуань Лин, — мы проведем настоящий бой, чтобы определить победителя. Не думаю, что я тебе пригожусь, даже если ты будешь держать меня здесь...

— Кто это хочет решить, кто из нас победитель? — ответил Бату. — Ты можешь не говорить так уверенно о том, чего я хочу?

— Тогда чего же ты на самом деле хочешь? — хмуро произнес Дуань Лин.

— Я хочу говорить с тобой, как мы говорим сейчас. Буду брать тебя с собой, куда бы я ни пошел, и смогу общаться с тобой в любое время. Если я захочу поговорить с тобой, то смогу это сделать.

— У тебя осталось десять дней.

Дуань Лин сначала подумал, что Бату попросил десять дней и пообещал к этому времени уничтожить Е, потому что хотел, чтобы Дуань Лин придумал стратегию захвата города — вынудить Дуань Лина напасть на его собственный город было бы очень жестоким планом. Если бы он это сделал, то Дуань Лин не смог бы решить, стоит ли ему сражаться или нет. Если бы он отказался сотрудничать с Бату по истечении этих десяти дней, армейский инспектор непременно убил бы его, а Бату привлек бы к ответственности.

Он даже не знал, что Бату вообще не думал об этом; вместо этого он сказал:

— Если я не смогу взять Е, то просто уйду. У меня все еще есть свои силы в Хулун-Буире. Угэдэй отнял у меня командование и отправил сюда, дав мне кучу ненужного снаряжения и тысячу человек — он хочет, чтобы я помог ему взять город? Пусть мечтает!

Дуань Лин уткнулся лбом в ладонь, совершенно потеряв дар речи в ответ на это.

— Я сказал ему об этом только для того, чтобы отложить все на несколько дней. Как только кидани на севере закончат сражаться, а твои подчиненные приведут сюда людей на поиски, я выкраду тебя в хаосе и отвезу в Хулун-Буир. Все просто.

Дуань Лин зарычал от ярости:

— Я не твоя вещь!

— Ты — человек, который принадлежит мне, а не вещь. Спи. Разве ты не хочешь спать? Мы же носились весь день.

Погода в горах, когда лето сменяется осенью, часто становится по ночам прохладной. Бату бросил Дуань Лину еще одно армейское одеяло, указывая, что перед сном ему следует обернуть его вокруг себя. Как Дуань Лин мог заснуть? На самом деле Бату намеревался отвезти его на север. Когда они преодолели Великую стену и придут туда, где обычно живут монголы, в давно привычную для них местность, У Ду будет еще труднее его найти.

Раз уж все равно темнело, он должен был найти способ выбраться отсюда. В светлое время суток он не решался ничего предпринять, но это было связано с тем, что он был слишком очевидной мишенью, а вот ночью сбежать гораздо проще.

Бату лег рядом с Дуань Лином, ничего не говоря.

— Эй, — спросил его Дуань Лин, пытаюсь понять, о чем он думал, — ты так и собираешься заснуть?

Бату нетерпеливо ответил:

— Если хочешь что-то сказать, расскажешь мне позже. У нас еще много времени.

Бату не имел ни малейшего представления о том, насколько силен У Ду; Дуань Лин облегченно вздохнул — похоже, информация Амги была недостаточно подробной, или, возможно, он не хотел признавать поражение и поэтому не дал честного доклада о том, на что способен У Ду.

— Что случилось с кинжалом, который я тебе подарил? — спросил Бату.

— Лан Цзюнься забрал его. Возможно, он у пса Цая.

— Да? — хмыкнул и произнес Бату. — Тогда забудь о нем. Я сделаю тебе другой.

Дуань Лин не знал, смеяться ему или плакать.

— Разве ты не хотел, чтобы Чэнь уступила территорию? Почему бы тебе не сказать мне, на каких условиях ты поможешь мне избавиться от пса Цая, чтобы ты мог вынудить меня уступить тебе территорию, когда я вернусь ко двору? Бату, говорю тебе прямо, нет никакого смысла, даже если ты отдашь меня своему отцу или Угэдэю. Тебе не будет уступлено ни медяка земли Великой Чэнь.

— Дуань Лин, перестань обманывать себя. Кто захочет избавляться от пса Цая ради тебя? Напротив, я не могу даже в достаточной мере отблагодарить его. Если бы он не занял твое место, думаешь, я смог бы поймать тебя за пределами Хэцзяня?

Потрясенный, Дуань Лин на мгновение потерял дар речи, а затем спросил:

— Тогда зачем ты везешь меня в Хулун-Буир?

— Ни зачем! — нетерпеливо ответил Бату. — Чтобы там жить! Неужели ты не можешь лечь спать? Ты еще не закончил?!

— Я не могу заснуть, будучи связанным!

— Если я тебя развяжу, то ты убьешь меня. Амга сказал мне, что ты носишь на своем теле сороконожку.

Дуань Лин подумал: «Неудивительно, что ты так быстро снял с меня серебряные доспехи».

— И ты все равно дотронулся до меня? Ты что, не боишься умереть? — Дуань Лин вспомнил, что был момент, когда Бату чуть не укусила Золотая Ворона.

— Ну, тогда бы я умер.

У него был один разговор с Бату, а ощущение такое, будто они уже обсудили все — даже когда они были в Прославленном зале, разговоры между ними всегда были совершенно бессмысленными, и с годами это не изменилось. Дуань Лин немного подождал, прежде чем спросить:

— Что еще сказал Амга?

Бату был настолько раздражен, что встал, развернулся и засунул в рот Дуань Лину свернутый кусок ткани.

Дуань Лин на мгновение застыл в шоке, а затем начал издавать звуки сквозь кляп.

Бату вынул тряпку.

— Ты собираешься продолжать трепать языком?

Дуань Лину осталось только замолчать. Бату немного надавил на него, чтобы он прислонился к внутренней стороне палатки, и перевернулся, обняв Дуань Лина сзади и закинув на него ногу, как они спали в Прославленном зале, когда иногда делили одну кровать.

Не решаясь заговорить, Дуань Лин со связанными руками прислушался к ровному дыханию Бату. Похоже, он уже погрузился в глубокий сон.

Бату, по сути, был как горячая печка, да еще и находился в отличной форме, поэтому внутренняя сторона одеяла страшно нагрелась, и Дуань Лина прошиб пот. Только во второй половине ночи, когда он уже совсем выбился из сил, он наконец-то уснул.

Вскоре после того, как он заснул, вдалеке раздался резкий рев, а за ним — предупредительные гонги монгольской армии. Весь военный лагерь мгновенно пришел в себя.

— Нас атакуют ханьцы! — кто-то прокричал.

Прежде чем Дуань Лин успел подняться, Бату повернулся на бок, отшвырнул Дуань Лина в самый дальний угол постели, схватил свою саблю и бросился наружу. С внезапным громким взрывом весь лагерь запылал.

У Ду здесь! Дуань Лин подумал: «Как он так быстро сюда добрался? Здорово! Но ведь в Е и Хэцзяне нет и четырех тысяч воинов, так почему же кажется, что снаружи стоит огромная армия? Похоже, там почти десять тысяч человек!

— У Ду! — завопил Дуань Лин во всю мощь своих легких, — Я здесь!

Бату вбежал босой и, не говоря ни слова, заткнул Дуань Лину рот тряпкой.

С сильным грохотом что-то обрушило палатку, в нее врезался огромный огненный зверь и опрокинул деревянный кол в центре, а затем и сама палатка загорелась, превратившись в бушующее пламя, окутывающее наступающее животное.

Это бык! Теперь Дуань Лин понял — сотня огненных быков ворвалась в лагерь монголов посреди ночи, и казалось, что они были покрыты какими-то доспехами. Монгольские солдаты рубили их своими саблями, но почему-то не наносили им никакого вреда.

Бату схватил Дуань Лина и попытался увернуться, но бык ударил их обоих копытами. Бату перевернулся и упал на землю; его едва не затоптали. Дуань Лин нашел на земле саблю, которую кто-то, видимо, обронил, и быстро разрезал ее острием веревку, обмотанную вокруг его рук. Освободив руки, он схватил Бату и оттащил его в сторону, чтобы он не попал в поле зрения наступающих быков.

Дуань Лин вытащил тряпку изо рта и прокричал:

— У Ду! Я здесь!

Бату внезапно попытался повалить Дуань Лина на землю, но тот был к этому готов: он заблокировал его обеими руками, используя прием боевых искусств, которому его научил отец. Бату развернулся и обхватил Дуань Лина за талию, используя борцовскую силу, чтобы перевернуть его, а затем, обвив его рукой за пояс, а другой закрыв ему рот, побежал к конюшне с Дуань Лином на руках.

Вдруг Бату стало так больно, что он безудержно вскрикнул — Дуань Лин до крови прокусил ему правую руку. Он тут же нанес удар ладонью по шее Дуань Лина, но в этот момент позади него раздался металлический лязг.

— Не убивай его! — воскликнул Дуань Лин.

Дуань Лин взмахнул изогнутой саблей, которую держал в руках, в сторону света, и с металлическим звоном отвел Легуанцзянь в сторону, но клинок разлетелся на две части. У Ду уже добрался до Дуань Лина, и их лица оказались почти вплотную прижаты друг к другу. Он был все так же холоден и бесстрастен, но прикоснулся губами к губам Дуань Лина так же осторожно, как стрекоза по воде, а затем стремительно удалился с ним на руках.

Бату снял с оружейной стойки длинное копьё, прокрутил его в воздухе, затем повернулся, толкнув его всей поясницей, и оно со свистом устремилось к У Ду. Но, развернув руку, У Ду сделал движение еще быстрее Бату, обхватил копьё и бросился на него!

Эта тактика атак и отступлений, предугадывающая действия противника, была подобна тому, как если бы сам Бату добровольно бросился под удар!

Бату сразу же бросил копье и попытался сразиться с У Ду посредством одной лишь грубой силы; У Ду столкнулся с ним ладонью к ладони, и их ци беззвучно врезались друг в друга. Бату тут же упал назад, кровь и ци бурлили в его груди, словно волна, и он едва не харкнул кровью.

У Ду больше не стал тратить на него время и свистом подозвал Бэнь Сяо, который бросился к ним.

— Вперед! — произнес У Ду, подхватив Дуань Лина и сев на лошадь. Бэнь Сяо развернулся и галопом унесся из моря пламени.

— Как ты узнал, что я здесь...

Дуань Лин успел произнести лишь половину фразы, прежде чем У Ду, не отвечая ему, прокричал:

— Ложись!

Наклонившись к Дуань Лину и прижав его к лошади, он плашмя повалил их на Бэнь Сяо. Легуанцзянь в левой руке У Ду сверкал, убивая всех на своем пути, и кругом брызгала кровь.

Бэнь Сяо внезапно остановился, и У Ду снова прокричал:

— Веди лошадь! Поезжай вправо!

Дуань Лин обхватил голову коня и наклонился вправо; Бэнь Сяо понял его намерение и устремился в тыл монгольской армии. В данный момент монгольская армия все еще собирала отряд лучников, чтобы сразиться со второй волной огненных быков, атакующих палатки, но они никак не могли ожидать, что двое мужчин и лошадь внезапно побегут к ним в тыл.

Взмахнув Легуанцзянем, У Ду открыл кровавую дорогу. Повсюду летели стрелы, а пока Бэнь Сяо врывался в строй противника, на палатки с пламенем на спинах на полной скорости неслась группа огненных быков. Дуань Лин испустил дикий крик, и когда показалось, что они вот-вот врежутся, У Ду убрал меч в ножны и обхватил голову Дуань Лина руками, чтобы защитить его. Они вместе с Бэнь Сяо неслись во весь опор галопом и вырвались из строя разъяренных быков.

Это было самое беспорядочное поле боя, которое Дуань Лин когда-либо видел: огненные быки хаотично неслись во все стороны. Взмахом руки У Ду повалил бегущего на них солдата на землю, а Дуань Лин протянул руку и схватил себе лук и колчан. Вдвоем они врезались во что-то, и несколько раз их едва не столкнули на землю. В конце концов, только полагаясь на

инстинкт Бэнь Сяо, им удалось скрыться во тьме.

Вокруг них на равнине таилась опасность, и Дуань Лин тяжело дышал.

— У Ду...

У Ду обессиленно откинулся на спину Дуань Лина. Когда он попытался снова подняться, то не мог сделать полный вдох, и всем весом давил Дуань Лину на спину. Они скакали бесцельным галопом, держась за Бэнь Сяо.

— Ты в порядке? — спросил У Ду.

Ночь казалась непроглядно темной. У Ду поднялся на ноги, и Дуань Лин обернулся, чтобы поцеловать его в пылающие губы.

Над головой сверкнула молния, озаряя затянутое тучами небо. У Ду не издавал ни звука, прижимаясь к Дуань Лину, и продвигался вперед, не глядя на дорогу.

— Тебя подстрелили? — спросил Дуань Лин.

— Да.

— Куда тебя ранили?

— Одна стрела. В плечо. Не задела ничего жизненно важного.

— Мы должны остановиться где-нибудь и вытащить ее.

— Мы окружены на десять ли скрытыми монгольскими дозорами, — спокойно ответил У Ду. — Давай сначала просто уберемся отсюда.

Дуань Лин протянул руку, чтобы ощупать его. У Ду был облачен в доспехи, но Дуань Лин все еще чувствовал, как кровь просачивалась сквозь них на его поясице. Бэнь Сяо галопом мчался по равнине, и дыхание Дуань Лина становилось все более учащенным.

— Давай сойдем.

— Это слишком опасно! — настаивал У Ду.

Прошел почти час, и Бэнь Сяо вошел в густой лес, а У Ду спрыгнул с лошади. К тому времени

он уже ослабел и едва не упал на землю. Дуань Лин немедленно снял с У Ду доспехи и нашел стрелу, вонзившуюся в его плечо.

У монгольских стрел были колючие наконечники и желобок, прорезанный в древке для кровопускания. Дуань Лин отвязал кинжал от седла, разжег костер и простерилизовал его над пламенем.

— Сейчас я вытащу стрелу, — сказал Дуань Лин, после чего отрубил древко и вонзил наконечник кинжала в плечо У Ду.

Склонившись над Дуань Лином, У Ду крепко обнимал его рукой за талию. Когда он вырезал наконечник стрелы, рука У Ду тоже крепко обхватывала его. Дуань Лин, стиснув зубы, выковырнул металл, и наконечник стрелы упал на землю. Из раны хлынула кровь. У Ду сжимал его с такой силой, что казалось, будто он сейчас втянет Дуань Лина в свое тело.

Дуань Лин прислонился к У Ду и при свете фонаря нанес ему на плечо лекарство и прижал к ране ткань, чтобы остановить кровотечение. Лекарственный порошок, который заготовил У Ду, оказался очень эффективным, и вскоре кровотечение прекратилось.

— Больно? — спросил Дуань Лин.

— Не спрашивай, — У Ду пристально смотрел в глаза Дуань Лину. — Ты не собираешься немного отплатить своему господину?

Их дыхание смешалось, и Дуань Лин приник к губам У Ду, посасывая их и переплетая языки в безумном, жадном поцелуе. А У Ду, словно дикий зверь, с бездонной силой впился в губы и язык Дуань Лина. Они сидели на земле, обхватив друг друга руками, и неистово целовались, почти не оставляя пространства для дыхания.

В небе сверкнула молния и раздался раскат грома. Начался дождь.

— Мы не можем здесь оставаться, — сказал У Ду. — Здесь все еще слишком опасно. Мы должны уехать как можно скорее.

Дуань Лин понимал, что У Ду, должно быть, был до крайности встревожен весь этот день, пока он отсутствовал, но как только он нашел его, все его силы улетучились вместе с его беспокойством. Он повернулся на бок, прижимая ухо к земле, и ему показалось, что он почувствовал вдалеке преследователей.

— Я отвезу тебя, — произнес Дуань Лин. — Ты сядешь на лошадь и немного поспишь.

— Хорошо, — ответил У Ду.

Сначала дождь лил каплями, а потом с шумом начал создавать водную завесу, которая застилала все вокруг. Дуань Лин сел на лошадь, и У Ду прилег ему на плечо, его руки слабо обхватывали его талию, а лицо было бледным.

Дуань Лин провел рукой по его щеке, чувствуя себя ужасно оттого, что ему было так больно. Наклонившись, он поцеловал его и, сняв с себя доспехи Белого Тигра, надел их на У Ду.

Рев дождя перекрыл все остальные звуки в мире. Дуань Лин внезапно ощутил неумолимое приближение надвигающейся опасности и сразу же развязал лук, вглядываясь в темноту за лесом. Он натянул тетиву и, услышав шорох, выпустил стрелу.

Ночь прорезал скорбный крик сокола — это был монгольский сокол-разведчик!

— Вперед!

Дуань Лин встряхнул поводья и выехал из леса под раскаты грома и шум дождя. Как только он выбрался на дорогу, раздались громкие крики на монгольском языке. Около сотни человек преследовали Бэнь Сяо, стремительно разворачиваясь перед лесом, и в их сторону полетела россыпь стрел.

Они не ушли! Они все время были у них на хвосте! Должно быть, сокол привел их сюда!

Дождь лил все сильнее и сильнее. В этих лесах было вырублено слишком много деревьев, и куда ни глянь везде торчали голые участки земли, так что при любом дожде легко мог случиться оползень. Бэнь Сяо, как и У Ду, не жаловался, унося их в диком галопе с горы Сунь так быстро, как только мог.

Еще немного на восток, и они достигнут границы с Ляо. Дуань Лин бесцельно подстегивал коня и мчался по долине в бешеном темпе. Позади к ним приближалась сотня монголов.

Стрела пронеслась мимо, едва задев их.

— Бэнь Сяо! — прокричал Дуань Лин во всю мощь своих легких. — Мы на тебя рассчитываем!

Бэнь Сяо изо всех сил мчался вперед. Горные леса, превратившиеся в бурлящие потоки, встречали его всплесками воды под копытами. Он нёсся, словно орёл, рассекающий морские просторы, вздымая за собой пенные гребни, и устремлялся к самому краю небес.

Пространство позади них было заполнено летящими во все стороны стрелами, а издали к ним приближалась еще одна монгольская армия; эти двести человек выглядели так, будто собирались настигнуть их в клещевой атаке.

— Проклятье! — воскликнул Дуань Лин. — У Ду! Мы окружены!

У Ду лежал без сознания от потери крови, склонившись над Дуань Лином, и каждый его вздох звучал долго, медленно и отдаленно.

— У Ду! — в панике прокричал Дуань Лин. — Очнись же!

Бэнь Сяо сменил направление и устремился сквозь брешь, в которой должны были сойтись две армии. Монгольские войска с длинными копьями в руках двинулись к центру, и Дуань Лин громко воскликнул:

— У Ду!

В тот же миг в небе вспыхнула еще одна молния, и темный лес озарился ярким светом!

У Ду сразу же очнулся и прокричал:

— Держись крепче!

У Ду резко вышел из бессознательного состояния, его зрачки сузились от вспышки молнии, и, взмахнув поводьями, они резко свернули и устремились к обрыву в конце горной тропы.

— Пошел! — крикнул У Ду.

У Ду направил Бэнь Сяо прямо к обрыву!

— У Ду! — воскликнул Дуань Лин.

Он думал, что они сейчас поднимутся в воздух и упадут в бездонную пропасть, но Бэнь Сяо ступил на твердую землю!

Благодаря молнии У Ду смог разглядеть опасное окружение — он увидел заброшенный подвесной мост, а под ногами разверзлась пропасть глубиной в целую ли!

Бэнь Сяо скакал по подвесному мосту без остановки, его подковы громко цокали по доскам, и в тот же миг, когда они оказались на другой стороне, У Ду перерезал канаты с обеих сторон, держа в левой руке Легуанцзянь, а в правой — кинжал.

Подвесной мост обрушился с оглушительным грохотом, увлекая преследователей в пропасть.

Дуань Лин безостановочно задышался. У Ду придержал Бэнь Сяо, и они вместе оглянулись назад. Оставшиеся монгольские солдаты замерли перед обрывом и готовились стрелять по ним. У Ду решительно отступил.

Спустившись с горы, они проехали сорок ли, но дождь не прекращался. Пустошь была покрыта лужами, и, хотя уже наступило утро, небо оставалось хмурым. Вдали под темными тучами на горизонте вырисовывался мрачный город.

— Мы на месте, — произнес У Ду. — Это Е, вон там.

Проведя всю ночь в страхе, Дуань Лин больше не мог вымолвить ни слова.

У Ду уже восстановил свои силы, и его доспехи позвякивали у седла. На нем были лишь легкие штаны и сияющие доспехи Белого Тигра, накинутые на верхнюю часть тела. Он был так высок и широкоплеч, что броня уже почти не налезала на него, а лицо было покрыто грязью. Вместе они приближались к городу Е.

— Это Бэнь Сяо!

— Вань Ли Бэнь Сяо!

— Хвала небесам, комендант успел вернуться! — прокричал кто-то с вершины башни городских ворот.

Не успел Дуань Лин объявить о своем прибытии, как город уже открыл свои ворота.

— Они знают Бэнь Сяо? — спросил Дуань Лин.

— Узнаешь, когда окажешься внутри, — У Ду все еще звучал измученно, но в его словах чувствовалось облегчение, когда он гладил Дуань Лина по голове.

Все солдаты Е вышли на улицу, встав по обе стороны городских ворот, чтобы пронаблюдать за тем, как У Ду вел Дуань Лина по главной улице Е в поместье губернатора.

Уже много лет Е постепенно разваливался без ремонта; немногочисленные городские дороги были заполнены грязными лужами, а стены города крошились и ветшали. Дома простолюдинов по обеим сторонам улицы в основном были покрыты черепицей из запекшейся грязи, а на некоторых домах была соломенная крыша. Все больше и больше воинов Е подходили к ним.

— У Ду! — кто-то воскликнул.

У Ду жестом руки указал, где находится усадьба губернатора, и прокричал:

— Выходите наружу и укрепляйте нашу оборону! Усиьте дозор! Монголы могут нагрянуть в любую минуту!

— Господин губернатор!

Как только он вошел внутрь, к нему подошел Линь Юньци. Дуань Лин промок насквозь и из-за дождя выглядел жалко. Он отмахнулся от Линь Юньци и рухнул на кушетку в центре главного зала.

— Господин губернатор? Это наш новый губернатор? Он так молод? Айо, но он довольно симпатичный.

— Губернатор, люди просят нас вернуть быков. Что нам делать?

— Это наш губернатор? Может быть, теперь они наконец-то заплатят солдатам? Все ждут жалованья!

— Хэцзянь передал срочное сообщение о пшенице этого сезона...

— Прошлой ночью мы обнаружили, что монгольская армия разбила лагерь на горе Сун...

— Разбойники опустошают дальние районы вверх по реке в горах Хэн...

— Мы понятия не имеем, жив или мертв прошлый губернатор! Они уже послали кого-то на его место? Что императорский двор этим хочет сказать?!

В главный зал ввалилось множество людей, переговариваясь друг с другом, но Дуань Лин никого из них не знал, поэтому в замешательстве мог только кивать. Он отмахнулся от них, не в силах даже говорить. Все, что ему удалось расслышать, — это слова Линь Юньци: «Господин губернатор нуждается в отдыхе. Все может подождать до завтра. Что вам причитается, то и получите. Наш губернатор — Таньхуа, и у него есть связи при дворе. Он не позволит вам умереть с голоду или замерзнуть, прошу вас...»

— Любой, кто будет шуметь, будет отдан под трибунал! — внезапно рыкнул У Ду.

И в главном зале воцарилась тишина.

Линь Юньци вывел всех на улицу, и шум постепенно стих, пока не исчез вдали. Дуань Лин подумал про себя: ...о, боги, — и, не обращая внимания на стоящих перед ним солдат,

прислонился к У Ду и уснул.

***

К тому времени, когда он проснулся, Дуань Лин уже успел проголодаться. Он открыл глаза: У Ду, раздетый по пояс, с бинтами вокруг плеча и в одних нижних штанах, сидел, скрестив ноги, за столом возле кушетки и готовил похлебку. В нос ударил восхитительный запах каши.

В животе у Дуань Лина заурчало, и У Ду бросил взгляд на кровать.

— Ты проснулся? — спросил У Ду.

В какой-то момент Дуань Лина перенесли в комнату. На улице было темно, и нескончаемым потоком лил дождь. Он понятия не имел, который час.

— Я тоже только что проснулся, — У Ду знал, что именно об этом хотел спросить Дуань Лин. — Скоро рассвет. Ты проспал почти сутки.

— Тебе лучше? — спросил Дуань Лин.

У Ду повернулся, чтобы показать ему бинты, обмотанные вокруг его плеча. Дуань Лин произнес:

— Садись сюда.

Он обнял У Ду сзади за талию и поцеловал его плечо, а затем наклонился к уху и поцеловал в мочку. У Ду развернулся голову, и они слились в поцелуе; он покраснел.

— Каша... сейчас подгорит, — сказал У Ду.

Дуань Лин с улыбкой отпустил его, и У Ду налил ему миску каши.

— Осторожно, горячая.

— Как тебе удалось найти меня? — спросил Дуань Лин, поднимаясь с кровати.

— Городская стража Е уже давно следит за горой Сун. Их разведчик как раз изучал лагерь монголов в окрестностях. Но поскольку это так близко к Ляо, они не могли рисковать. Когда тебя схватили, они даже потеряли их на некоторое время, поэтому я сразу же бросился к Е, чтобы получить помощь от их армии.

— Где ты нашел быков?

— В Хэцзяне и Е. Я привел с собой всех быков, которые были большими, толстокожими и достаточно крупными, чтобы разить людей. Я взял тысячу человек. Они не решились покинуть городскую оборону, чтобы монголы не пытались использовать тебя в качестве отвлекающего маневра.

— А что случилось с людьми и быками, которые остались?

— Двести двадцать два умерли, а сто или больше вернулись. В принципе, с людьми ничего не случилось, все они вернулись. Кучка проклятых бандитов-ветеранов.

Дуань Лин подумал про себя, что они, должно быть, заметили, что их губернатор только что явился и не привел с собой ни одного солдата. Не желая рисковать жизнью ради новоиспеченного чиновника, они все спрятались за линией фронта и устроили видимость боя. В любом случае, только У Ду готов был рискнуть своей жизнью, чтобы спасти его.

— Это моя вина, — произнес Дуань Лин. — Я не виню их. Я был слишком глуп.

— Значит, тот, кто похитил тебя, был монгольским принцем? — спросил У Ду.

— Да.

— Его укусила Золотая ворона?

— Нет. Он всегда был... Мы даже сражались раньше, еще в Прославленном зале.

Дуань Лин уже упоминал о своей жизни в Шанцзине, а также о Бату в присутствии У Ду — именно с ним Дуань Лин подрался в первый же день, когда пошел в школу.

Если бы я знал, то забил бы его до смерти, — У Ду выразил эту мысль своим взглядом и сказал:

— Он же не такой, как тот другой тангут, который хотел что-то с тобой сделать? Он с тангутом? Где тангут? Он был в монгольском военном лагере?

Зачем Хэляню вообще находиться в военном лагере Бату? Иногда Дуань Лин не мог понять, что вообще происходит в голове У Ду: вроде бы он питал особую неприязнь к «этому тангуту», а вроде бы и не имел никаких особых подозрений по поводу Бату. В конце концов, У Ду уже сражался с ним и знал, что Бату был ему не соперник, поэтому не считал нужным много о нем думать. Но ведь и Хэлянь был не чета У Ду... Может быть, именно потому, что они еще не осознали своих чувств друг к другу, когда были в Тунгуань, Хэлянь произвел на У Ду особенно сильное впечатление?

Дуань Лин думал, что, как только У Ду найдет его, он прочтет ему длинную лекцию, ведь он действительно был слишком неосторожен, настолько, что У Ду даже подстрелили из-за него.

— Прости, — произнес Дуань Лин, — это было неосмотрительно с моей стороны.

— В следующий раз будь более осторожен. Это я виноват, что не присмотрел за тобой. Хорошо, что с тобой все в порядке.

Услышав это от У Ду, Дуань Лин почувствовал себя еще более виноватым, чем когда-либо; немного поразмыслив, он наклонился и поцеловал У Ду еще раз. Тот, в свою очередь, просто улыбнулся и погладил его по голове, протягивая миску с кашей. В этот момент Дуань Лин подумал, что иногда У Ду был так похож на его отца, что это было просто невероятно.

— Ты ехал верхом на Бэнь Сяо, — сказал Дуань Лин. — Даже если это только из-за меня...

— Ш-ш-ш... — У Ду подал знак, чтобы он говорил тише.

Дуань Лин отпил глоток каши и прошептал:

— Они не помогли тебе спасти меня из-за любимой лошади покойного императора?

— Когда я только вошел в город, меня чуть не зарезали. Они спросили, откуда я украл лошадь.

Дуань Лин уткнулся лбом в руку, совершенно потеряв дар речи.

У Ду посмеялся над собой:

— Раньше во всех слухах говорилось, что это я убил покойного императора. Я пользуюсь довольно дурной славой.

— Мне очень жаль, — сказал Дуань Лин.

В сердце Дуань Лина Северное командование являлось бывшей армией его отца, так что в каком-то смысле они были и его подчиненными, и слишком невежливо было с их стороны так обращаться с У Ду. Разумеется, тот не собирался обижаться на этих армейских вырожденков и взмахнул рукой, давая понять Дуань Лину, что все в порядке.

— При чем тут ты? — произнес У Ду. — Мне просто придется вбить в них послушание.

Он оседлал и лошадь покойного императора, и его сына, так что, естественно, ему не было дела до кучки армейских головорезов.

Дуань Лин съел три большие миски каши с имбирем и нежной курицей и сразу почувствовал себя намного лучше.

— Наелся? Хочешь еще? Я попросил их нарезать курицу. Здесь все дорого, поэтому сейчас мы можем позволить себе только курицу. Их держат в каждом доме.

— Я наелся.

Дуань Лин заметил, что У Ду стал готовить гораздо лучше.

У Ду с улыбкой сказал ему:

— Меня научил Чжэн Янь.

— В поместье губернатора очень хороший ремонт, — произнес Дуань Лин. — Все в городе такие бедные. Только в поместье используется такая качественная древесина.

— Здесь был мятеж, — сказал У Ду. — После того как губернатора захватили монголы, солдаты под руководством лейтенантов выкрали из поместья все ценности. Почти все было разобрано и продано, чтобы расплатиться с армией.

Дуань Лин ошеломленно замолчал, думая про себя, что Хуан Цзянь был совершенно прав; Е действительно — логово волков.

— Что ты будешь делать теперь, когда ты сыт? — спросил У Ду, глядя на Дуань Лина.

— Я хочу искупаться. Я промок под дождем, и мне неприятно.

— Твой господин поможет тебе помыться, — У Ду подошел и обхватил Дуань Лина руками, наклонившись, чтобы поцеловать его в шею.

Дуань Лин сразу же покраснел: ему не нужно было долго думать, чтобы понять, как именно У Ду хотел его «помыть», поэтому он поспешил сказать:

— Ты все еще ранен! Хватит дурачиться!

— Быстрее поешь чего-нибудь, — добавил Дуань Лин.

Засмеявшись, У Ду отошел в сторону, чтобы принести каши. Дуань Лин смотрел ему вслед, а когда У Ду, сам того не желая, поймал его взгляд, сказал:

— Губернатор, вы словно маленький щенок. Еще даже не рассвело. Пройдет еще немало времени, прежде чем кто-нибудь придет кипятить воду.

— Забудь, я не буду никого утруждать.

Дуань Лин взял мокрое полотенце, чтобы обтереться. У Ду поставил чашу, принялся раздевать его, вытирая его тело и невзначай касаясь разных мест, и они предались глубокому, затяжному поцелую. Так прошло довольно много времени, и только по настоянию Дуань Лина У Ду согласился потерпеть и подождать, пока он поправится.

Наступил день, но Дуань Лин еще не закончил приводить свои мысли в порядок. У Ду был все еще ранен, и его уже ожидала огромная куча проблем.

Сегодня он вступал в должность, и каждый вопрос, поставленный перед ним, выходил за рамки его возможностей, каждый из них был абсурднее предыдущего.

Первое, что он должен был сделать, — это выплатить простолюдинам компенсацию за сто двадцать голов скота.

Во-вторых, он должен был защититься от Бату и монголов, потому что они могли нагрянуть в любой момент, разрушить стены города, убить его людей, пленить их жен и сжечь их дома.

В-третьих, он должен был собрать восемнадцать тысяч таэлей серебра и выплатить жалованье бывшим подчиненным своего отца, иначе они свергнут его, сравняют с землей усадьбу губернатора, разберут балки его крыши, унесут столбы и заберут дрова для своих костров — они могут даже унести его с собой, чтобы ублажить солдат.

Наконец, он должен был заготовить пятьдесят тысяч ши зерна*, иначе им не пережить эту зиму. Как только с севера начнут прибывать беженцы, все умрут от голода в условиях северного мороза.

* 1 ши примерно 60 кг.

Конечно, самому Дуань Лину голодная смерть не грозила: У Ду будет воровать для него еду, и если у них когда-нибудь закончится еда, которую можно будет украсть, он может даже съесть У Ду...

Все внимание было приковано к новому губернатору и коменданту, ответственным за внутренние и внешние проблемы, и они гадали, как же им удастся справиться со всем этим. Казна была совершенно пуста, городские стены нуждались в срочном восстановлении, монголы покинули свой лагерь, и их нынешнее местонахождение было неизвестно — предположительно, они занимались грабежом и мародерством.

Дуань Лин не мог удержаться от любопытства, почему У Ду не задал ни одного вопроса о Бату. Но У Ду был очень умен — он не упоминал о людях, не имеющих отношения к делу. Возможно, именно потому, что Дуань Лин редко заводил разговор о Бату, У Ду еще не начал нервничать, когда речь заходила о нем.

Будем надеяться, что Бату не вернется. Дуань Лин внутренне вздохнул — как же так получилось?

***

Линь Юньци и Сунь Тин заняли места по обе стороны от него, а остальные — те, кто приехал с ним из Цзянчжоу: Ван Чжэн, Янь Ди — были своими людьми.

У Ду, как и в поместье канцлера, стоял в синем халате, распахнутом на груди, томно откинувшись на спинку кушетки рядом с Дуань Лином. Он глядел на дождь за окном и размышлял. Возможно, он думал о том, как ему наказать армию Е.

Сидящий рядом с ними Сунь Тин посмотрел на У Ду, перевел взгляд на Дуань Лина и открыл рот, словно хотел что-то сказать, но не мог сообразить, с чего начать. В его глазах читалось явное беспокойство.

Пусть он и не просил назначать именно этого губернатора, но этот губернатор пришел сюда именно из-за него. Сможет ли он хорошо выполнять свою работу? Дуань Лин понимал, о чем беспокоился Сунь Тин — не более чем о том, что Дуань Лин слишком молод и что он никак не сможет справиться со всеми проблемами Е. И все же управление городом в качестве чиновника было сродни обучению и тренировкам в боевых искусствах: для каждого требовалось свое образование и свой набор навыков. Что нужно делать в первую очередь, а что — во вторую, чиновник должен был хорошо это понимать.

Дуань Лин приступил к выполнению первого задания.

— Ван Чжэн, ты отправишься в Ямэнь* и будешь руководить судебными процессами и вынесением приговоров. Остальных наших людей отправь на работу в Ямэнь — иди с приказом о назначении. Ступай немедленно.

* Ямэнь — местная полиция/суд/тюрьма, где часто председательствовал магистрат.

Хотя Линь Юньци и являлся его руководителем, когда речь заходила о распределении работ, он все равно должен был идти на поводу у Дуань Лина, поэтому он записывал все на бумаге.

Ван Чжэн исполнил приказ Дуань Лина и отправился на свое новое место работы.

— Наш счетовод еще не прибыл, — произнес Дуань Лин, — Юньци, займись пока казной и

проведи инвентаризацию. Проанализируй недостачи и излишки за последние годы.

Линь Юньци выполнил приказ и тоже ушел.

Дуань Лин обратился к Сунь Тину:

— Сунь Тин, нас с тобой свела судьба, поэтому я оставляю это поместье в твоих руках. Выбери десять человек, которые будут его охранять.

Дуань Лин взглянул на У Ду. Он все еще был погружен в раздумья и смотрел на дождь, но Дуань Лин знал, что он услышал; правда, когда рядом У Ду, количество охранников в поместье не имело для него особого значения.

Сунь Тин произнес:

— Мой господин, вы не представляете, что из себя представляют эти солдаты-ветераны. Привести их сюда вот так, если они вас обидят...

— Все будет в порядке. Иди. Тому, кто согласится работать в поместье, полагается дополнительное жалование на двадцать доу* в месяц.

* 1 доу - 10 литров зерна.

Сунь Тин принял распоряжение и тоже ушел.

— Янь Ди, — подумав немного, Дуань Лин сказал. — Даю тебе три дня, чтобы ты осмотрел стены. Мы должны укрепить их до наступления осени. Окопы и противокавалерийские пики тоже нуждаются в капитальном ремонте. Кроме того, башни для стрельбы из лука, территории за городскими воротами, заборы, часовые — составь список того, что нужно отремонтировать, сколько нужно денег и сколько нужно людей, и передай его Юньци. Что касается того, сколько людей понадобится нанять для строительных работ и на сколько дней они будут необходимы, напиши это и передай У Ду.

Янь Ди ответил:

— Слушаюсь.

Дуань Лин добавил:

— Сходи к Юньци за десятью таэлями серебра. Можешь купить выпивку для солдат в городе.

Янь Ди тоже отправился по своим делам, оставляя Дуань Лина и У Ду одних. Некоторое время они молчали, пока Дуань Лин листал служебный дневник, оставленный последним губернатором. Записи в дневнике вел сам губернатор или его советник, записывая, чем он занимался каждый день, как проходили административные дела и так далее. Дуань Лин некоторое время листал его, и вдруг ему в голову пришла мысль.

— А у бывшего губернатора не было семьи?

— Не знаю, — сказал У Ду, — супружеская пара — словно птицы, которые слетаются вместе. Когда случилась катастрофа, каждый полетел своей дорогой.

Дуань Лин немного растерялся, а У Ду вернулся к своим мыслям и произнес:

— Для чего ты создаешь отряд телохранителей? И будешь платить им еще двадцать доу риса.

— Мы назначены недавно и только что приступили к работе, поэтому никто за пределами поместья не будет знать, чем мы занимаемся и о чем говорим в повседневной жизни. Сформируй группу из десяти охранников, и они будут передвигаться по поместью весь день. Когда они поймут, что я за человек, они обязательно расскажут обо мне, как только выйдут на улицу. В военном лагере новости распространяются быстро, особенно среди вояк. Они обязательно будут сплетничать. Так они не останутся в долгу.

Дуань Лин знал, что, если он хотел, чтобы жители Е доверяли ему, нужно дать им возможность понаблюдать. Они будут чувствовать себя спокойно, только если будут знать, чем он занимается.

— Да. Но если рядом будут телохранители, я больше не смогу с тобой распускать руки.

Дуань Лин поддразнил его:

— Если ты действительно хочешь лапать меня на глазах у телохранителей, то, во-первых, в драке я тебе не соперник. Во-вторых, все мои охранники тоже тебе не соперники — в этом городе нет ни одного человека, который мог бы противостоять тебе в схватке. Так что, если тебе захочется потискать меня на глазах у всех, разве это не в твоих силах?

У Ду как раз пил чай, и при этих словах его щеки покраснели. Он надеялся немного подколоть Дуань Лина, но, похоже, он сам стал объектом насмешки.

Вскоре появился Сунь Тин с десятью людьми. Они поклонились Дуань Лину и У Ду, но тот лишь окинул их взглядом, ничего не говоря. Сунь Тин назначил им дневные и ночные смены по пять человек: двое дежурят снаружи, двое патрулируют, а один остается за дверью на случай, если им понадобится кто-то для выполнения поручений. Дуань Лин был доволен таким раскладом и велел Сунь Тину сходить за Линь Юньци и записать их в ведомость.

Линь Юньци вернулся с инвентаризации казенного имущества, и все оказалось так, как и ожидал У Ду — в казне не осталось ни одного медяка, а местное правительство даже задолжало простолюдинам кучу денег. Все ценные вещи в поместье уже были проданы, но осталась пара чайных чашек.

— Неужели губернатор был холостяком? — Дуань Лин считал это маловероятным.

— У него было четыре наложницы, — сказал Линь Юньци. — Три сбежали с солдатами, а одна забрала свои драгоценности и ушла с разбойником. Главная жена была из Цюнчжоу, и, когда она узнала, что губернатор пропал в тылу врага, то забрала сына и под конвоем вернулась в родительский дом. Она не передавала никаких сообщений, поэтому мы не знаем, что с ней случилось.

Дуань Лин подумал: ничего себе, все действительно как в той поговорке «дерево упало — макаки разбежались».

— Похоже, господин Люй и впрямь выдоил свой народ досуха, пока был губернатором.

Линь Юньци не ожидал, что Дуань Лин скажет все как есть, и немного смутился, произнеся:

— Хм... господин Ван... здесь довольно много расписок. Это деньги, которые простолюдины занимали у него, когда господин Люй был жив... нет, я имею в виду, когда он был на посту.

— Похоже, так все и было, — сказал Дуань Лин, — он занимал деньги у простолюдинов, а потом выступал в роли ростовщика и отдавал их под большие проценты. Тц-тц. Неплохое было у него дельце.

Линь Юньци тактично и спокойно объяснил, и Дуань Лин больше ничего не ответил. Он взял у него опись и нашел в ней красные иероглифы, написанные киноварью, а также пачку долговых расписок.

Линь Юньци сказал:

— Кредитов больше, чем долгов, поэтому я уверен, что здесь хватит, чтобы погасить долги.

Дуань Лин на мгновение задумался.

— Деньги и зерно, которые мы привезли из Цзянчжоу... Если пересчитать чиновническую зарплату на зерно, то получится более двух тысяч ши, не так ли?

— Мы не так уж много потратили на дорогу, — ответил Линь Юньци. — Вы и комендант — чиновники четвертого ранга, так что это две тысячи двести восемьдесят ши. В пересчете на

серебро тысяча сто таэлей.

Губернатор и комендант — чиновники четвертого ранга, и Дуань Лин получал годовое жалованье в тысячу сто ши риса. При этом, поскольку У Ду являлся комендантом, ему было положено еще восемьдесят ши на починку и замену оружия и доспехов, так что все вместе это превращалось в тысячу сто таэлей серебра.

— Возьмите тысячу таэлей из казны, — сказал Дуань Лин. — Давайте пока погасим все долги господина Люй. Что касается долговых расписок...

Дуань Лин посмотрел на У Ду, а У Ду — на Дуань Лина. Он в недоумении спросил:

— Что ты на меня смотришь?

Дуань Лин потерял дар речи и смог лишь сказать:

— Оставьте нас на минутку.

Он только что привел своих телохранителей и уже велел им выйти. Хотя Дуань Лин решил оставить все прозрачным между ним и людьми, сейчас он мог говорить только за закрытыми дверями. Через некоторое время, когда Дуань Лин закончил разговор, все снова вошли в дом.

— Сунь Тин, — сказал У Ду, — возьми эти долговые расписки, пойди на главную улицу, где находится рынок, собери простолоудинов и сожги расписки у них на глазах.

Сунь Тин был совершенно ошеломлен, но Линь Юньци уже догадался, что Дуань Лин сделает именно так, и с улыбкой кивнул.

Сунь Тин спросил:

— Тогда что вы будете есть, господин?

— Последнее слово за хозяином дома, — ответил Дуань Лин. — Можете не беспокоиться о нем. Не забудьте сказать им, что это идея коменданта.

Сунь Тин сразу же сказал:

— Генерал, большое вам спасибо от имени всех жителей города!

После ухода Сунь Тина Линь Юньци произнес:

— Господин...

— Восемьдесят таэлей в год, — сказал Дуань Лин. — Если мы будем экономны, этого хватит, чтобы прокормить нас.

— Нет, мой господин, я просто хотел вам напомнить, что нам еще нужно придумать, как вернуть быков простолюдинам.

Я почти забыл об этом, подумал Дуань Лин.

— Я что-нибудь придумаю.

Одна голова скота стоила три тысячи медяков, то есть две целых восемь десятых таэля серебра. У Дуань Лина слегка разболелась голова. Придется придумать другой способ компенсировать им ущерб.

У Ду сказал:

— Это я одолжил быков, губернатор тут ни при чем. Когда придет время, я пойду обрабатывать землю за них; только позовите меня, когда они начнут, и накиньте мне плуг на шею.

Дуань Лин не мог сдержаться, он так смеялся, что у него заболел живот. Линь Юньци понимал, что У Ду шутил.

— Господин комендант, я уверен, что вы уже знаете, что с этим делать. Я просто напомнил вам.

Дуань Лин понимал, что У Ду раздражал Линь Юньци за то, что тот слишком много говорил и ворчал, поэтому он отослал его отдохнуть — скорее всего, сегодня в нем больше никто не будет нуждаться.

У Ду спросил:

— Мы закончили?

— Пока, да. Мне нужно кое-что придумать.

— Тогда моя очередь, — сказал У Ду. — Эй, ты, тот, кто должен выполнять поручения. Вызови тех двух лейтенантов, напусти им, чтобы у них под рукой были припарки, лечебное вино от синяков и тому подобное. Если у них есть какая-то ценная вещь, переданная предками, вроде щита или доспехов, не забудьте надеть все это добро. Найди мне пару врачей, скажи, чтобы

принесли носилки и ждали во дворе. Не буду ходить вокруг да около — я буду избивать людей.

Дуань Лин молча в изумлении уставился на него.

Через четверть часа один из лейтенантов вылетел из кабинета спиной вперед, переворачивая подставку для цветочных горшков на улице и рассыпая по земле осколки фарфора.

Второй лейтенант стоял и смотрел на У Ду, задыхаясь. У Ду произнес:

— Я сказал, ударь меня.

— Я не смею поднять на вас руку, генерал.

— Если ты не поднимешь на меня руку, как я узнаю, на что ты способен? Отразишь три моих удара и сможешь стать комендантом.

— Вы шутите, генерал... — не успел лейтенант договорить, как У Ду уже оттолкнулся ногой. Лейтенант вылетел из комнаты и врезался в стену призрачного духа. Из его рта брызнула кровь.

У Ду стоял у дверей в главный зал, и его фигура загоразживала солнечный свет.

— Я говорил вам, что мы отправимся с отрядом спасти его, а вы только и делали, что стояли в сторонке и наблюдали. Когда мы не смогли найти губернатора, вы все просто вернулись обратно. Последний чиновник императорского двора уже пропал в тылу врага. Одно дело, я не предал вас смерти за дезертирство на поле боя, но неужели вы думали, что можете просто все повторить и загубить жизнь только что назначенного губернатора?!

Внутри Дуань Лин слушал, не перебивая его. Но, похоже, У Ду прекрасно понимал, что происходило на самом деле.

Эти два движения У Ду были совершенно безжалостными: оба лейтенанта в доспехах были поражены внутренней ци У Ду, которая прошла сквозь броню и разорвала их внутренние органы, ударив так сильно, что они начали плевать кровью.

Все телохранители смотрели на это со страхом в глазах. С мечом в руке У Ду вышел вперед, и Сунь Тин сразу же произнес:

— Генерал! Генерал, пощадите!

У Ду заставил одного из лейтенантов поднять глаза, поддевая его подбородок концом меча.

— Императорский двор не привлёк никого к ответственности за гибель губернатора Люй именно потому, что новый губернатор сохранил вам жизнь. Неужели вы думали, что Е не сможет обойтись без вас?

— Генерал, — решительно сказал Дуань Лин, — пожалуйста, смилитесь!

В эту долю секунды Дуань Лин почувствовал, что У Ду действительно намеревался убить — несмотря на то, что их разделяло несколько шагов, он все еще ощущал убийственную ауру, исходящую от У Ду, и догадывался, что тот хотел убить кого-то прямо сейчас, чтобы припугнуть армию Е. Иногда убийство действительно могло решить проблему, но можно было сделать это и не прибегая к нему.

Меч У Ду уже просунулся сквозь щель между шлемом и доспехами лейтенанта, один поворот запястья, и меч вонзится ему прямо в горло. Солдат стоял перед воротами ада и дрожал, глядя в холодные темные глаза У Ду; он понимал, что этот их новый комендант действительно мог просто выхватить меч и убить человека.

Но рот его был полон крови, и он уже был не в силах произнести ни слова; все, что он мог, — это продолжать дрожать и глазами молить о пощаде.

— Я оставлю тебя в живых... пока, — У Ду убрал меч в ножны. — Когда у тебя будет время, можешь поспрашивать и узнать, кто я такой. Даже если ты предашь нас обоих, с моими навыками боевых искусств я точно не умру. А когда я выживу, что бы ты ни послал в мою сторону, я сделаю так, что любой, кто посмеет предать меня, и его семья не получат ни дня покоя. В конце концов, ни один цыпленок из его семьи не останется в живых.

Закончив говорить, У Ду развернулся, зашел в дом и занял свое место на кушетке, лениво откинувшись на спинку.

— Сунь Тин, приведи их сюда, — сказал Дуань Лин.

Сунь Тин пытался помочь одному из лейтенантов подняться, но не мог сделать это сам, поэтому ему осталось только попросить кого-то из телохранителей занести одного из них первым.

— Подними руку, — сказал Дуань Лин.

Лейтенант несколько раз кашлянул, и его ноздри наполнились кровавой пеной. Дуань Лин проверил его пульс.

— Помоги другому.

У Ду ударил их ногой в одно и то же место, и у обоих были сломаны ребра и пробиты легкие.

Дуань Лин вправил им кости по очереди, а затем выписал рецепт, чтобы они могли отправиться домой и восстановиться.

Дуань Лин сказал:

— Вызовите наших сотников, по десять человек за раз. Мы будем вызывать их по именам, чтобы они могли доложить о своей работе.

Самым важным в Е было военное дело, он был построен в первую очередь для того, чтобы стать защитным пограничным городом. В других провинциях власть в основном принадлежала губернаторам, которых поддерживали военные, но, когда речь шла о вечной зоне боевых действий, которой являлась граница, долг У Ду становился все более важным. Дуань Лин же, похоже, был ответственным за снабжение армии.

Все, кого они позвали, уже прибыли, заполнив главный зал, и Дуань Лин произнес:

— Садитесь. Мы не собираемся вас бить.

В этот момент все сели. Два командира-лейтенанта по имени Бай и Чжу руководили тысячей человек каждый, а те, кто пришел, были десятью подчиненными лейтенанта Бая.

— Какие у вас проблемы, как вы собираетесь жить дальше, как обстоят дела с руководством войсками, — сказал Дуань Лин. — Расскажите нам.

Все смотрели то в одну сторону, то в другую. Держа в руках список солдат, Дуань Лин назвал имя.

— Начнем с тебя. У генерала вспыльчивый характер, так что не заставляйте его долго ждать.

У Ду улыбнулся и сделал глоток чая. Первый сотник задумался, прежде чем сказать:

— Господин губернатор, у нас нет денег. У людей не хватает еды. Они не могут сражаться на голодный желудок.

— Об этом мы уже позаботились, — произнес Дуань Лин, — вы получите свое жалованье, как только вернетесь. Что еще?

— Горные разбойники слишком осмелели, — сказал другой сотник.

У Ду рассеянно перелистывал книгу в своей руке, слушая, как сотники подробно рассказывали о своей работе, но Дуань Лин знал, что он впитывал все это. Он поговорил с первыми десятью,

отослал их и привел на разговор следующую десятку. Он не вставал с места, потирая виски, пока не пришло время обеда.

— Что ты читаешь? — спросил Дуань Лин.

У Ду протянул Дуань Лину книгу. Это была «Книга о еде»*, и так получилось, что в комнату вошел управляющий Линь Юньци, чтобы спросить, что они хотят на обед, поэтому Дуань Лин приказал, чтобы все было максимально просто — они были бедны до дыр в карманах, так что не стоило тратить деньги на изыски.

* Книга о еде Се Фэна была написана в эпоху династии Суй, но большая ее часть была утеряна. Однако меню сохранилось, и оно весьма изысканно.

— Надо как-то заработать денег.

Дуань Лин выглядел несчастным. С тех пор как Лан Цзюнься привез его в Шанцзин, хотя он и не жил в роскоши, им никогда не приходилось беспокоиться о деньгах. Когда отец был жив, его еда и одежда, может, и не отличались особой изысканностью, но еда, которую они ели, чай, который пили, и сосуды, в которых это находились, — все это было подобрано с большим вниманием к качеству.

А когда он стал жить с У Ду, они были бедны только первые полгода или около того, а потом все постепенно наладилось.

— Я что-нибудь придумаю, — сказал У Ду.

Дуань Лин считал, что раз уж они оказались в Е, то У Ду придется выходить из дома и заниматься делами. Если оставить Дуань Лина в поместье одного, то проблем не возникнет: у него при себе есть яд, он защищен серебряными доспехами Белого Тигра и даже владеет боевыми искусствами, так что что с ним может случиться? Если У Ду будет постоянно находиться рядом с ним, как он сможет заработать денег?

Они оба молчали, пока ели. Дуань Лин произнес:

— Надо написать письмо, послать гонца в Ляо к мастеру Фэй и попросить его помочь нам одолжить немного зерна.

У Ду сказал:

— А разве в округе не водится много горных разбойников? Уверен, у них много денег. Через несколько дней, когда мои раны заживут, мы сможем просто ограбить их.

Дуань Лин полагал, что многие люди покинули город и стали разбойниками, ведь в последние годы в городе было так трудно заработать на жизнь, и он знал, что они должны были избавиться от них как можно скорее. Но сколько они смогут вернуть, убивая бандитов?

— Чем жил город Е раньше?

Насколько Дуань Лин помнил, у Е никогда не было какой-то особой местной специализации, поэтому они не могли использовать ее в отношениях с другими провинциями. Они также не могли торговать ресурсами с другими районами центральной равнины.

— Древесный уголь, — ответил У Ду, продолжая есть. — Они производили древесный уголь и продавали его югу. Постепенно в горах вырубали много деревьев.

— У нас не так много земли, на которой можно выращивать пищу.

Дуань Лин читал в одной из книг о том, что с севера исчезала вода и почва; в Шанцзы и Сюньяне были и реки, и равнины, поэтому их уже можно было считать плодородной землей. Увы, Е был окружен горами и холмистыми лесами, а его единственная прерия находилась на границе между Чэнь и Ляо.

— Мы не должны больше рубить деревья, — сказал Дуань Лин. — Придется искать другой способ заработать.

Снаружи все еще шел дождь, который почти не прекращался и лил не переставая, доводя до иступления, а от сырости все становилось липким. Первое, что сделал Дуань Лин, — написал и отправил письмо, а затем разыскал карты и историю округа. Оттуда он узнал, что земли между Хэцзянем и Е можно было обрабатывать для выращивания продуктов, просто они постоянно подвергались разграблению — сначала киданями, а теперь монголами.

Прежний губернатор никогда не заботился о том, чтобы навести там порядок, оставляя живущих там простолюдинов на произвол судьбы; впрочем, он считал, что это было нормально — любой, кого сюда посылали, хотел как можно скорее уехать, потому что, когда дело было сделано, это была уже чужая империя. Было вполне достаточно прозябать в безделье и едва сводить концы с концами, чтобы заработать немного денег на расходы.

Дуань Лин провел целых три дня, знакомясь с городом по картам и историям городов; У Ду тоже постепенно знакомился со своей армией. Когда дождь прекратился, они вдвоем отправились на прогулку по городу. После того как они наказали двух лейтенантов, остальные солдаты тоже поняли свое место.

И хотя они понятия не имели, действительно ли армия знала свое место или просто разыгрывала спектакль, по крайней мере, ничего страшного пока не произойдет, ведь они находились в режиме наблюдения, присматриваясь друг к другу. У Ду распределил солдат по сменам, чтобы они постоянно были в движении и патрулировали. Закончив наблюдение за Е,

Дуань Лин приступил к осмотру Хэцзяня. Раньше резиденция главы Хэбэя находилась в Шанцзы; после подписания мирного договора с императором Ляо ее сначала перенесли в Хэцзянь, а затем, поскольку коменданту Хэцзяня нужно было следить за границей, переместили в Е.

Хэцзянь защищал лейтенант Цинь, который на днях выехал из города, чтобы отбить монголов, вместе с лейтенантом Ци. В двух городах в совокупности было четыре тысячи солдат, по две тысячи гарнизона в каждом, во главе с У Ду. Их разделяло расстояние в двести восемьдесят ли, и верхом с кнутом и шпорами можно было добраться до другого города за полдня.

За последние несколько дней из Хэцзяня безостановочно поступали новости, раз в день докладывал магистрат Хэцзяня; Дуань Лин пока не вызывал его к себе, чтобы подробно рассказать о его обязанностях, оставив все как есть. Даже на случайную корреспонденцию Дуань Лин просто ставил отметку «прочитано» в качестве ответа. Город Чан, расположенный далеко на юго-востоке, еще больше обеднел, настолько, что даже монголы не удосуживались его грабить, и его оккупировали всевозможные бандиты. Он находился почти в четырехстах ли от Е, и, заметив, что это было тяжело для гонца, Дуань Лин сказал ему, чтобы он приезжал только раз в десять дней.

В первую очередь им необходимо было создать систему быстрого оповещения между тремя городами, а заодно восстановить линию связи.

— Твоя рана немного зажила? — спросил Дуань Лин после того, как привел почти все в порядок.

У Ду вскинул руки и повел плечами.

— Куда бы ты хотел пойти развлечься?

У Ду догадывался, что Дуань Лин хотел бы отправиться на прогулку, поэтому сказал ему:

— Давай сделаем круг между Хэцзянем и Е. Осмотрим наши владения.

У Ду выделил им отряд воинов, подготовил припасы к путешествию, и в тот же день они покинули Е. Дуань Лин поехал на Бэнь Сяо, а У Ду выбрал лучшего коня и поехал позади него.

***

Сейчас был конец лета и преддверие осени; после череды дождей погода сразу стала прохладной.

— Какое сегодня число? — спросил Дуань Лин.

— Двадцать первое число шестого месяца, — ответил У Ду. — Скоро наступит седьмое число седьмого месяца.

Он и представить себе не мог, что в этом году проведет Седьмое Седьмого в Хэбэе. Натянув поводья, Дуань Лин остановил коня перед горами и обратил взор на далекую землю за рекой. Это был Сюньян — место, где когда-то был его дом.

— Киданьская территория, — сказал У Ду, — сейчас ее контролируют монголы.

Они сидели на своих лошадях бок о бок, и трава шелестела под дуновением летнего ветерка.

— Девять лет назад Шанцзы был довольно оживленным местом. Сейчас он, наверное, уже в руинах.

— Хочешь вернуться и посмотреть?

Дуань Лин покачал головой. Он не испытывал никакой привязанности к семье Дуань и редко упоминал о своем детстве в присутствии У Ду. В его воспоминаниях каждый отрезок жизни принадлежал другому человеку: так же, как его нынешние дни принадлежали У Ду, его дни в Шанцзине принадлежали его отцу, а дни в Шанцзы — Лан Цзюнься.

— Пойдем.

Дуань Лин пошел по тропинке вдоль берега. Эта огромная река, пересекающая Хэбэй, называлась Сюньшуй. Поговаривали, что то, что находилось к югу от гор и к северу от воды, — было ян*, и когда говорили жители Е и Хэцзянь, у них было более или менее сюньянское произношение, которое казалось Дуань Лину знакомым. Когда его отец получил титул принца Бэйляна, в его владения вошел весь Хэбэй. Похоже, он родился с чувством принадлежности к этой бесплодной и первобытной дикой местности.

* Ян как в «инь и ян».

— Ну и как ощущения? — спросил У Ду Дуань Лина.

— Как будто мы занимаемся семейным делом.

У Ду улыбнулся, уловив смысл слов Дуань Лина.

— Что это? — Дуань Лин заметил часового на вышке на берегу реки.

— Господин Ван, здесь когда-то стояли часовые, — ответил ему Сунь Тин. — Раньше возле

Сюньшуй тоже были деревни. После этого часто стали наведываться монголы, и все жители ушли.

— Все ушли? — рассеянно спросил Дуань Лин.

Они все ушли — было просто более мягким вариантом сказать, что все в этих деревнях были убиты, а сами места подожжены и сгорели дотла. Все, что осталось, — это высокая кирпичная башня, стены которой были выжжены до черноты. Дуань Лин нашел в руинах много всякого хлама: глиняную плитку и железные изделия, использовавшиеся в сельском хозяйстве.

— Скажи им, пусть осмотрят территорию, — сказал Дуань Лин, — пусть возьмут все мотыги и лопаты, пригодные для использования. Выбросим деревянные ручки и вернем железо, мы найдем ему применение позже.

У Ду просто стоял и смеется: даже Дуань Лин чувствовал себя сборщиком металлолома. Он смущенно почесывал голову.

— Экономия — это хорошо.

Под руинами было зарыто довольно много вещей. Это место действительно было слишком пустынно, настолько, что даже простолюдины редко путешествовали этим путем. Стоя за пределами деревни, Дуань Лин взглянул на часовую вышку и сказал У Ду:

— Давай поднимемся туда и посмотрим.

— Пойдем, — ответил У Ду.

Они вдвоем поднялись наверх. Здание возвышалось почти на тридцать чи, а снаружи была сплошная кирпичная стена, укрепленная внутри кольями. Оно было совершенно пустым.

— Там должен быть гонг...

— Берегись! — неожиданно воскликнул У Ду и, тряхнув левой рукой, выхватил кинжалы. Дуань Лин почувствовал, как кровь мгновенно застыла в жилах — засада! Но кто это может быть?!

Это был человек в черном; не успел Дуань Лин среагировать, как перед ним мелькнул холодный металл, и крошечная игла чуть не вонзилась ему в лицо, после чего У Ду бросился на него сверху, и оба кувырком упали с вершины часовой башни.

В него полетели еще три иглы, а на голову обрушилась сабля — это был еще один человек в черном!

Два убийцы, размахивая саблями, одновременно обрушили на них свои удары. В воздухе Дуань Лин поставил ногу на ступеньку и, сделав сальто, бросился к У Ду, прикрывая его своей спиной. Две сабли попали ему в спину, но из-за доспехов Белого Тигра им удалось задеть только верхнюю одежду. За эту долю секунды У Ду успел схватить Дуань Лина, сделав кувырок назад, перемахнуть через внутреннюю стену башни и, наступив на деревянные колья, подпрыгнуть, пролетев над головами убийц.

С легким свистом вылетели две струи порошкообразного наркотика, и убийцы упали с вершины башни.

Все произошло так быстро, что не успел Дуань Лин осознать, что только что сделал У Ду, как тот уже схватил его за руку и помчался вниз по лестнице с бешеной скоростью. Два человека в черном один за другим выбежали из башни.

Сунь Тинь в это время приказывал своим подчиненным обыскать руины. Увидев людей, выбегающих из башни, он очень удивился и закричал:

— Убийцы!

Солдаты выхватили оружие, и У Ду воскликнул:

— С дороги!

Люди в черном бежали перед ними, не останавливаясь; Дуань Лин сразу же натянул лук и выпустил две стрелы. Когда оба убийцы услышали звук стрел, рассекающих воздух, один из них ринулся в сторону, чтобы уклониться. Приземлившись, он продолжил нестись к Сюньшуй. Когда казалось, что он вот-вот прыгнет в реку, он споткнулся.

Оба они одновременно упали на землю. У Ду все еще стоял на месте, держа Дуань Лина за руку, а сердце Дуань Лина бешено колотилось, когда он смотрел на двух убийц, корчащихся от боли на суше и бьющихся в судорогах, пока, наконец, они не скатились на берег.

Солдаты медленно подошли к ним, недоумевая, откуда взялись эти двое.

— Не трогайте их, — приказал У Ду и вместе с Дуань Лином подошел к телам.

— Это твой яд? — спросил Дуань Лин.

— Да.

Нахмурившись, У Ду с помощью ветки сорвал с мужчины маску.

Дуань Лин спросил:

— Ты их знаешь?

У Ду был не уверен, а затем медленно покачал головой.

— Они не похожи на монголов.

— Может, они... — Дуань Лин свел брови, наблюдая за выражением лица У Ду. Тот встретил его взгляд.

— Вполне возможно, — прошептал У Ду.

Дуань Лин спрашивал, не послал ли их Цай Янь, и У Ду тоже пришел к этому выводу, но они не могли слишком много говорить об этом в присутствии Сунь Тина и остальных.

— Это были монголы? — спросил Сунь Тин. — Было очень близко.

Дуань Лин все еще находился в глубоких раздумьях и кивнул.

— Оставьте их здесь. Не трогайте тела.

Дуань Лин знал, что У Ду использовал смертельный яд в первом приеме, потому что беспокоился о надвигающейся опасности для Дуань Лина, но он был удивлен, что он сработал так быстро. Он редко наблюдал этот навык У Ду воочию, поэтому как-то забыл, что его специализация — яды.

— Ты все еще хочешь подняться туда? — спросил У Ду.

— Да, — ответил Дуань Лин.

После случившегося настрой внезапно испортился, но они все равно должны были сделать то, зачем пришли. Сунь Тин хотел осмотреть территорию, и Дуань Лин собирался остановить его, ведь с их навыками боевых искусств, даже если им удастся найти убийц, они не справятся с ними, но У Ду бросил на него взгляд, давая понять, чтобы он оставил их в покое — не стоит говорить это вслух, это заденет их гордость.

Когда они снова оказались внутри часовой башни, У Ду сказал:

— Вероятно, они были членами Теневой стражи.

— Сколько человек в Теневой страже?

— Ровно сто. От них действительно не избавишься.

— Ничего страшного. На самом деле нам повезло, что они проявили себя именно сейчас. Иначе, если бы они решили напасть, когда тебя не было рядом, мне бы точно не поздоровилось. Что за яд ты сейчас использовал?

— «Таяние жизни». Яд начинает действовать, как только он касается глаз или рта, и смерть наступает после ста шагов.

— И много ты использовал?

— Нет. Это один из немногих ядов, который может убить человека мгновенно.

Когда Дуань Лин только начал жить с У Ду, он всегда был начеку, чтобы не опрокинуть пузырек и не умереть на месте, но позже он понял, что У Ду редко использовал смертельный яд, который убивал мгновенно, и начал терять бдительность. Сегодняшнее зрелище вновь заставило его забеспокоиться.

— С твоими руками все будет в порядке? — спросил Дуань Лин.

Казалось, ранее он видел, как У Ду с помощью руки стряхивал яд наружу.

— Не волнуйся. При отравлении использовалась ци, чтобы порошок полетел в нужном направлении, поэтому он не задержался на моих руках.

Даже после того, как они забрались на часовую башню, Дуань Лин все еще немного волновался, поэтому У Ду сполоснул руки в луже на крыше. Он сел, а Дуань Лин устроился у него на ноге, и они вдвоем смотрели вдаль.

— Интересно, сколько людей прислала сюда Теневая стража, — сказал У Ду, — даже в Е не безопасно. Мне придется найти время, чтобы разобраться с этим.

— Мы всегда можем послать гонца, чтобы он привез тела обратно в Цзянчжоу. Если императорский двор сможет их опознать, это послужит ему предупреждением.

У Ду ответил:

— Если там будет Улохоу Му, он не позволит доставить тела обратно в Цзянчжоу.

Дуань Лин подумал, что это тоже верно — Лан Цзюнься наверняка позаботится об этом, ведь он был мастером по убийствам и сокрытию улик. Если они попросят сопровождающих доставить тела обратно в Цзянчжоу, то в итоге только лишат их жизни.

— Тебе больше не нужно об этом беспокоиться, — произнес У Ду. — Об этом должен беспокоиться я.

Дуань Лин кивнул. Он знал, что с У Ду ему нечего было бояться. Они пережили куда более беспокойные времена, а что такое еще несколько наемных убийц?

С вершины часовой башни открывался вид на горы и равнины на другом берегу реки. Это был пейзаж, поистине вселяющий чувство покоя и благополучия.

— Если монголы придут с севера, — сказал Дуань Лин, — мы сможем увидеть их с вершины часовой башни.

— Да, — У Ду все еще думал об убийцах.

Вид, открывающийся перед Дуань Лином, подтверждал гипотезу, которую он выдвинул перед выходом из города.

— Там, должно быть, больше деревень, и в каждой из них, скорее всего, тоже есть такая часовая башня, — добавил Дуань Лин.

— Без понятия. Взглянуть? — У Ду пришел в себя и спросил. — Что ты собираешься делать?

— Пойдем.

Дуань Лин стащил У Ду с башни, собрал солдат, и они направились к точке вдалеке. Как он и предполагал, примерно в двенадцати ли от того места, где они находились, были руины и еще одна часовая башня, а на ней даже была стойка для гонга. Рядом находилось четыре дома с черепичной крышей, а также большой участок поля, оставленный на произвол судьбы.

Более десяти лет назад Чэнь и Ляо вели здесь войну. Каждый раз, когда кидани нападали, простолюдины звонили в гонг, возвещая об опасности. Позже ханьцы нападали на киданей, а затем кидани на ханьцев, и война продолжалась до тех пор, пока обе стороны не выдохлись. Наконец, когда кидани ушли, даже гонги были переплавлены в сталь и выкованы в оружие.

— Здесь больше никто не живет, — сказал У Ду. — Иначе звон гонгов стал бы хорошей системой оповещения.

Сунь Тин произнес:

— Когда будет ветрено, гонги будет не слышно.

— Здесь можно видеть издалека, — сказал Дуань Лин, — а две часовые башни находятся на расстоянии двенадцати ли друг от друга, и если одна из них подаст дымовой сигнал, другая сможет его увидеть.

Дуань Лин развернул карту и приказал солдатам:

— Давайте поделимся и найдем эти часовые башни. Нарисуйте примерную карту и отметьте их. Пойдемте. Давайте сделаем это сейчас!

Дуань Лин был вне себя от радости — если он сможет использовать все часовые башни между Е и Хэцзянем и построить систему дымовых сигналов, подобную сигнальным башням, то в их руках будет оборонительный периметр, напоминающий небольшую Великую стену. Монгольской армии придется переходить Сюньшуй вброд каждый раз, когда она захочет пересечь этот путь, и неважно, куда она захочет вторгнуться — в Е или Хэцзянь, — имея возможность передавать сигналы с помощью этих часовых, они смогут нанести монголам смертельный удар.

Однако У Ду все это время сохранял серьезное выражение лица, а складка между его бровями будто сомкнулась в тугой мертвый узел.

Помимо часовых башен на равнинах они могли построить временные посты на холмах и скалах. И им не придется беспокоиться о том, что монголы захватят эти заставы, возведенные на склонах гор с таким крутым рельефом.

<http://bllate.org/book/15657/1400663>